

С Е Р И Я
П О Л И Т И Ч Е С К А Я
Т Е О Р И Я

ECONOMIC
ORIGINS of
DICTATORSHIP
and DEMOCRACY

DARON ACEMOGLU
JAMES A. ROBINSON

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИСТОКИ ДИКТАТУРЫ И ДЕМОКРАТИИ

ДАРОН АСЕМОГЛУ
ДЖЕЙМС А. РОБИНСОН

Перевод с английского
СЕРГЕЯ МОИСЕЕВА

Второе издание

*Издательский дом
Высшей школы экономики*
МОСКВА, 2018

УДК 330(321.6+321.7)

ББК 60.56

А90

Составитель серии

ВАЛЕРИЙ АНАШВИЛИ

Дизайн серии

ВАЛЕРИЙ КОРШУНОВ

Научные редакторы

Л.И. ПОЛИЩУК, Г.Р. СЮНЯЕВ, Т.В. НАТХОВ

Асемоглу Д., Робинсон Дж. А.

А90 Экономические истоки диктатуры и демократии [Текст] / пер. с англ. С. В. Моисеева; под науч. ред. Л. И. Полищука, Г. Р. Сюняева, Т. В. Натхова; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — 2-е изд. — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2018. — 512 с. — (Политическая теория). — 1000 экз. — ISBN 978-5-7598-1531-0 (в пер.). — ISBN 978-5-7598-1683-6 (e-book).

Научный бестселлер экономистов Дарона Асемоглу и Джеймса А. Робинсона посвящен разработке концептуальных оснований для анализа создания и консолидации демократии. Авторы исходят из внешне простого тезиса о том, что различные социальные группы предпочитают различные политические институты из-за того, как они распределяют политическую власть и ресурсы. Так, демократию предпочитает большинство граждан, но ей противятся элиты. Однако диктатура нестабильна, когда граждане могут создавать угрозу общественных беспорядков и революции. В ответ на это, когда цена репрессий существенно высока и обещания уступок не вызывают доверия, элиты могут быть вынуждены создать демократию. Через демократизацию элиты вызывающим доверие образом передают политическую власть гражданам, обеспечивая социальную стабильность. Демократия консолидируется, когда у элит нет сильных стимулов для ее свержения. Эти процессы зависят от силы гражданского общества, структуры политических институтов, природы политических и экономических кризисов, уровня экономического неравенства, структуры экономики и формы и масштаба глобализации.

УДК 330(321.6+321.7)

ББК 60.56

На обложке — фрагмент картины неизвестного художника «Moving Day»

Оригинальное издание выпущено Cambridge University Press, New York, USA

Опубликовано на русском языке Издательским домом Высшей школы экономики
<<http://id.hse.ru>>

doi:10.17323/978-5-7598-1531-0

ISBN 978-5-7598-1531-0 (в пер.)

ISBN 978-5-7598-1683-6 (e-book)

ISBN 978-0-521-85526-6 (англ.)

© Daron Asemoglu and James A. Robinson 2006

© Перевод на рус. яз. Издательский дом
Высшей школы экономики, 2015; 2018

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	11
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ВОПРОСЫ И ОТВЕТЫ	
I. ПУТИ ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ	19
1. Великобритания	20
2. Аргентина	23
3. Сингапур.....	27
4. Южная Африка	30
5. Повестка дня.....	35
II. НАША АРГУМЕНТАЦИЯ.....	36
1. Демократия против недемократии	37
2. Строительные блоки нашего подхода	41
3. К нашему основному повествованию	45
4. Наша теория демократизации	47
5. Демократическая консолидация.....	55
6. Детерминанты демократии	56
7. Политические идентичности и природа конфликта	70
8. Демократия в графических изображениях	72
9. Обзор книги.....	75
III. ЧТО МЫ ЗНАЕМ О ДЕМОКРАТИИ?.....	78
1. Измерение демократии	78
2. Закономерности демократии	81
3. Демократия, неравенство и перераспределение.....	89
4. Кризисы и демократия	96
5. Общественные волнения и демократизация	98
6. Литература.....	108
7. Наш вклад.....	115
ЧАСТЬ ВТОРАЯ. МОДЕЛИРОВАНИЕ ПОЛИТИКИ	
IV. ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА	127
1. Введение.....	127
2. Агрегирование индивидуальных предпочтений	129
3. Однопиковые предпочтения и теорема о медианном избирателе	131
4. Наши модели — рабочие лошадки	140
5. Демократия и политическое равенство	158
6. Заключение	162
V. НЕДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА	164
1. Введение.....	164
2. Власть и ограничения в недемократической политике.....	166

3. Моделирование предпочтений и ограничений в недемократиях ...	177
4. Проблемы обязательств	182
5. Простая игра обещаний.....	197
6. Динамическая модель.....	205
7. Обещания, совместимые со стимулами	217
8. Заключение	228

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. СОЗДАНИЕ И КОНСОЛИДАЦИЯ ДЕМОКРАТИИ

VI. ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ.....	233
1. Введение.....	233
2. Роль политических институтов	233
3. Предпочтения относительно политических институтов	237
4. Политическая власть и институты.....	238
5. Статическая модель демократизации.....	243
6. Демократизация или репрессии?.....	249
7. Динамическая модель демократизации	258
8. Совершенные на подыграх равновесия	268
9. Альтернативные политические идентичности	271
10. Целевые трансферы.....	275
11. Власть элит в демократии	276
12. Идеологические предпочтения в отношении режимов.....	281
13. Демократизация в графическом изображении.....	283
14. Равновесные революции	286
15. Заключение	288
VII. ПЕРЕВОРОТЫ И КОНСОЛИДАЦИЯ.....	292
1. Введение.....	292
2. Стимулы для переворотов	295
3. Статическая модель переворотов.....	297
4. Динамическая модель создания и консолидации демократии	304
5. Альтернативные политические идентичности	322
6. Целевые трансферы.....	323
7. Власть в демократии и перевороты	324
8. Консолидация в графическом изображении	327
9. Оборонительные перевороты.....	328
10. Заключение	331

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ. КАК РАБОТАЮТ МОДЕЛИ

VIII. РОЛЬ СРЕДНЕГО КЛАССА.....	335
1. Введение.....	335
2. Трехклассовая модель	339
3. Возникновение частичной демократии.....	343
4. От частичной демократии к полной	349
5. Репрессии: средний класс как буфер	358
6. Репрессии: сторонники мягкой линии против сторонников жесткой линии	363
7. Роль среднего класса в консолидации демократии	368
8. Заключение	371

IX. СТРУКТУРА ЭКОНОМИКИ И ДЕМОКРАТИЯ.....	373
1. Введение.....	373
2. Структура экономики и распределение доходов.....	377
3. Политический конфликт.....	379
4. Капитал, земля и переход к демократии.....	380
5. Издержки переворота для капитала и земли.....	384
6. Капитал, земля и бремя демократии.....	389
7. Конфликт между землевладельцами и промышленниками.....	398
8. Промышленники, землевладельцы и демократия на практике.....	403
9. Экономические институты.....	404
10. Человеческий капитал.....	409
11. Предположения относительно политического развития.....	410
12. Заключение.....	412
X. ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ДЕМОКРАТИЯ.....	414
1. Введение.....	414
2. Модель открытой экономики.....	419
3. Политический конфликт — демократическая консолидация.....	426
4. Политический конфликт — переход к демократии.....	430
5. Финансовая интеграция.....	434
6. Возросшая политическая интеграция.....	440
7. Альтернативные допущения о природе международной торговли.....	442
8. Заключение.....	445
 ЧАСТЬ ПЯТАЯ. ВЫВОДЫ И БУДУЩЕЕ ДЕМОКРАТИИ	
XI. ВЫВОДЫ И БУДУЩЕЕ ДЕМОКРАТИИ.....	449
1. Возвращаясь к путям политического развития.....	449
2. Продолжение и области будущих исследований.....	456
3. Будущее демократии.....	460
 ЧАСТЬ ШЕСТАЯ. ПРИЛОЖЕНИЕ	
XII. РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ВЛАСТИ В ДЕМОКРАТИИ (ПРИЛОЖЕНИЕ К ГЛАВЕ IV).....	467
1. Введение.....	467
2. Модели вероятностного голосования.....	467
3. Лоббирование.....	474
4. Партийная политика и политический захват.....	481
 БИБЛИОГРАФИЯ.....	 490

Памяти моих родителей, Кеворка и Ирмы,
которые вложили в меня столь много.
Моей любимой Асу,
моей всегдашней вдохновительнице и помощнице.

Дарон Асемоглу

Памяти моей матери, от которой
я унаследовал страсть к книгам
и возмущение несправедливостями
этой жизни.

Памяти моего отца, от которого
я унаследовал восхищение наукой
и любопытство к этому удивительному миру.

Джеймс А. Робинсон

ПРЕДИСЛОВИЕ

Фундаментальной проблемой для политической науки и политической экономики является то, какие факторы обуславливают институты коллективного принятия решений (т.е. «политические институты»). При решении этого вопроса естественно начальное разграничение на демократические и недемократические институты. Почему некоторые страны являются демократиями, где имеют место регулярные и свободные выборы и политики подотчетны гражданам, а другие страны — нет?

Есть несколько ярких эмпирических образцов и проблем, связанных с ответом на этот вопрос. Например, почему, в то время как Соединенные Штаты очень рано перешли ко всеобщему избирательному праву для мужчин, которое было достигнуто к началу 1820-х годов северными и западными штатами и к концу 1840-х — всеми штатами, этот образец не был всеобщим для Америк. В других странах республиканские институты и регулярные выборы были нормой после получения независимости от колониальных держав (от Испании и Португалии), но ограничения избирательного права и коррупция на выборах имели намного большее значение. Первыми латиноамериканскими странами, которые ввели всеобщие, относительно некоррупцированные выборы для мужчин, были Аргентина и Уругвай в 1912 и 1919 г. соответственно, но другие, такие как Сальвадор и Парагвай, сделали это только в 1990-х — спустя почти полтора столетия после Соединенных Штатов.

Имеются не только большие вариации во времени демократизации, но и значительные качественные различия в форме этого политического процесса. Демократия была создана, по крайней мере для белых мужчин, со сравнительно небольшими конфликтами в Соединенных Штатах и некоторых латиноамериканских странах, например в Коста Рике. Однако в других странах демократия часто встречала сильное сопротивление, и политические элиты вместо демократизации прибегали к массовым репрессиям, чтобы не делиться политической властью. В одних случаях, например в Сальвадоре, элиты в конце концов отказывались от репрессий и признавали демократию. В других, как на Кубе и в Никарагуа, элиты сопротивлялись вплоть до мучительного конца и были сметены революциями.

Будучи однажды созданной, демократия не обязательно консолидируется. Хотя Соединенные Штаты постепенно двигались к демократии без шагов вспять, так же как и многие западноевропейские государства, такие как Великобритания или Швеция, в других странах демократия становилась жертвой переворотов. Аргентина, возможно, является са-

мым крайним примером этого: ее политический режим менялся с демократического на недемократический и обратно большую часть XX в.

Что обуславливает демократию в стране? Какие факторы могут объяснить наблюдаемые нами образцы демократизации? Почему Соединенные Штаты достигли всеобщего избирательного права для мужчин более чем за век до многих стран Латинской Америки? Почему, будучи однажды созданной, демократия сохраняется и консолидируется в одних странах (Великобритания, Швеция и Соединенные Штаты) и терпит крах в других (Аргентина, Бразилия и Чили)?

В этой книге мы предлагаем концептуальную структуру для анализа создания и консолидации демократии, которую мы применяем в своих попытках дать предварительные ответы на некоторые из этих вопросов.

Эта структура строится на трех фундаментальных основаниях:

1. Наш подход является «экономическим», в том смысле, что мы подчеркиваем значимость индивидуальных экономических стимулов как детерминант политических установок и исходим из допущения, что люди ведут себя стратегически в известном смысле по теории игр.
2. Мы делаем упор на фундаментальную важность конфликта. Различные группы, иногда общественные классы, имеют противоположные интересы относительно результатов политики, и они транслируются в противоположные интересы относительно формы политических институтов, определяющих результаты политики.
3. Политические институты играют главную роль в решении проблем обязательств, влияя на будущее распределение политической власти де-юре.

Чтобы наглядно проиллюстрировать наш подход, представим себе общество, состоящее из двух групп: элиты и граждан. Недемократия — это правление элиты; демократия — это правление более многочисленных групп, составляющих большинство, в данном случае граждан. В недемократии элита получает ту политику, которую хочет; в демократии граждане имеют больше власти, чтобы получить то, что они хотят. Поскольку при демократии элита теряет, она, естественно, имеет стимул противостоять демократии или подрывать ее. И тем не менее большинство демократий возникает тогда, когда они создаются элитами.

Почему недемократическая элита осуществляет демократизацию? Раз демократия приносит сдвиг власти в пользу граждан, зачем же элите создавать такой комплекс институтов? Мы утверждаем, что это проис-

ходит только потому, что лишенные права голоса граждане могут угрожать элите и заставлять ее идти на уступки. Эти угрозы могут принимать форму забастовок, демонстраций, бунтов и — в предельном случае — революции. Так как эти действия стоят ей определенных затрат, элита будет пытаться предотвратить их. Она может делать это путем уступок или применяя репрессии для прекращения волнений и революции, или отдавая политическую власть и проводя демократизацию. При этом репрессии часто настолько дорогостоящи, что не являются привлекательным выбором для элиты. Уступки могут принимать разные формы, в особенности форму политических мер, предпочтительных для граждан, таких как перераспределение имущества или доходов, и, скорее всего, будут менее затратными для элиты, чем допущение демократии.

Основной фактор возникновения демократии заключен в таком наблюдаемом положении дел: поскольку уступки сохраняют политическую власть в руках элиты, то нет никаких гарантий, что она не откажется от своих обещаний. Представим себе, что имеет место относительно временная ситуация, в которой для граждан выгодно оспаривать власть. Такая ситуация может сложиться вследствие войн или экономических шоков, таких как неурожай, торговый крах или депрессия. Если репрессии слишком дорогостоящи, элита предпочтет купить граждан обещаниями уступок в области мер государственной политики, например в перераспределении доходов. Однако по самой своей природе такое окно возможностей для влияния на власть преходяще и исчезнет в будущем, и для элиты будет относительно нетрудно отказаться от сделанных обещаний. Предвидя это, граждане могут не удовлетвориться обещанием уступок при сохранении неизменных политических институтов и предпочесть восстание.

В рамках нашей модели ключевая проблема состоит в том, что обладающие политической властью могут гарантировать свою приверженность этим мерам в будущем, только если ограничат свою политическую власть. Тогда демократия возникает как вызывающая доверие приверженность мерам в пользу граждан (например, высокому налогообложению) благодаря перемещению политической власти между группами (от элиты к гражданам). Демократизация — это более убедительное обязательство, чем простые обещания, так как она связана с рядом институтов, большим участием граждан и, следовательно, труднее обратима. Элита должна осуществить демократизацию — создать убедительную приверженность мажоритарной политике в будущем, если желает избежать для себя более радикальных последствий.

Логика в основе антидемократических переворотов аналогична той, что лежит в основе демократизации. При демократии группы меньшинств (например, различные виды элиты) могут иметь стимул органи-

зовать переворот и создать более предпочтительные для них институты. Но если есть угроза переворота, почему нельзя защитить демократию, предложив уступки? Демократы, конечно, попытаются это сделать, но проблема убедительности опять является главной. Если угроза переворота преходяща, то обещания сделать политику менее мажоритарной могут не вызывать доверия. Единственный путь убедительным образом изменить политику — это изменить распределение политической власти, и это может быть достигнуто только через институциональное изменение, т.е. через переворот или, в более общем плане, через переход к менее демократическому режиму.

Главный вклад этой книги — предложение единой концептуальной структуры для понимания того, как возникает и укрепляется демократия. Эта структура, в частности, выявляет, почему изменения в политических институтах фундаментально отличаются от политики уступок в контексте недемократического режима. Важный побочный продукт этой модели — довольно богатый набор предполагаемых обстоятельств, при которых возникает и сохраняется демократия. В нашей структуре утверждается, что демократия с бóльшей вероятностью будет создана

- когда имеются значительные общественные волнения при недемократическом режиме, которые нельзя загасить при помощи ограниченных уступок и обещаний политики в пользу граждан. Так это или нет, в свою очередь, зависит от условий жизни граждан при недемократии, силы гражданского общества, природы проблемы коллективного действия, встающей перед гражданами в недемократии, и конкретных особенностей недемократических политических институтов, определяющих то, какие виды обещаний со стороны элиты могут вызывать доверие;
- когда ожидаемые элитой издержки демократии ограничены, так что элита не испытывает искушение применить репрессии в ответ на недовольство граждан при недемократическом режиме. (Эти издержки могут быть велики, когда неравенство высоко, когда собственность элиты может быть легко обложена налогом или перераспределена, когда элита много теряет от изменения экономических институтов и когда невозможно манипулировать формой нарождающихся демократических институтов, для того чтобы ограничить враждебность демократии интересам элиты.)

Аналогичным образом эти факторы влияют и на шансы выживания вновь созданной демократии. Например, большее неравенство, бóльшая

значимость земли и других легко облагаемых активов в структуре владений элиты и отсутствие демократических институтов, могущих избежать крайних популистских мер, с большей вероятностью дестабилизируют демократию.

Кроме этих, относительно статичных, результатов, мы надеемся, что представляемая здесь концептуальная структура достаточно богата и вариабельна для того, чтобы другие могли использовать ее части для анализа новых проблем и генерации иной сравнительной статистики демократии и других политических институтов.

Темы, к которым мы обращаемся в этой книге, находятся в самом сердце политической науки, особенно сравнительной политики и политической экономии. Тем не менее вопросы, которые мы ставим, редко пытаются решать, применяя тип формальных моделей, используемый в этой книге. Мы полагаем, что разработка предлагаемых нами способов анализа даст огромную отдачу, и для этого попытались сделать изложение простым и удобочитаемым, доступным исследователям и аспирантам-политологам. Чтобы сделать эту книгу как можно более самодостаточной, в главе IV мы представили те подходы к моделированию демократической политики, которые применяем в ее анализе. Хотя этот анализ представляет непосредственный интерес и в общем доступен для политологов, мы надеемся, что многие материалы окажутся полезными для продвинутых студентов, аспирантов и академических работников в области экономики, интересующихся политической экономией. И действительно, один из авторов использовал отдельные разделы этой книги в курсе экономики для аспирантов.

Главной предпосылкой для понимания всего содержания книги является знание базовых идей теории игр в объеме учебника Р. Гиббонса (1992). Тем не менее мы написали первые две главы с нематематическим изложением обсуждаемых в них вопросов и предлагаемых нами ответов с тем, чтобы они были доступны для всеобщего понимания.

* * *

Хотим выразить признательность многим коллегам, оказавшим нам помощь в процессе написания этой книги. За восьмилетний период работы мы провели много семинаров по всему миру по проблематике исследования — от Сингапура до Маврикия, от Осло до Буэнос-Айреса и Боготы. Многие исследователи вносили свои предложения и высказывали бесценные идеи и указания; приносим извинения за то, что не помним их всех. Однако мы хотели бы упомянуть нескольких ученых, чей неослабевающий энтузиазм по отношению к этому исследованию очень ободрял нас на его ранней стадии: Рут Коллир, Питер Линдерт,

Карл Ове Моене, Кеннет Соколофф и Майкл Валлерстайн. Особо следует упомянуть Роберта Пауэлла не только за его энтузиазм и вдохновляющую роль, но и за интеллектуальную поддержку, которую он оказывал нам все эти годы. Мы хотим особо поблагодарить Джеймса Алта за организацию четырехдневной «авторской» конференции в Центре фундаментальных исследований в социальных науках Гарвардского университета в январе 2003 г. Эта конференция не только побудила нас написать черновой текст, она также дала нам бесценную обратную связь, новую энергию и идеи. Роберт Бейтс предложил нам заменить слово «политические» на «экономические» в заглавии книги, а также предложил формат главы I. Григор Поп-Элеш рекомендовал использовать диаграммы для выражения основной сравнительной статистики этой книги и дал много детальных комментариев.

Вдобавок к идеям и комментариям этих людей мы получили много полезных советов от других участников дискуссий. В их числе Скотт Ашуэрт, Эрнесто Кальво, Альберто Диаз-Кайерос, Дэвид Эпштейн, Джон Хубер, Майкл Хискок, Торбен Иверсон, Шарин О'Халлоран, Джонатан Родден, Кеннет Шепсле и Андреа Виндиньи. Мы также получили полезные отзывы и предложения от студентов Беркли и Андского университета в Боготе, таких как Тейлор Боас, Маурисио Бенитез-Итурбе, Тад Даннинг, Леопольдо Фергюссон, Майя Яковски, Себастьян Мазукка и Пабло Керубин. Некоторые друзья и студенты также прочитали большие части рукописи и дали нам неоценимые замечания и отзывы: Александр Дебс, Тад Даннинг, Скотт Гелбах, Тарек Хассан, Рубен Хёпфер, Майкл Спагат, Хуан Фернандо Варгас, Тянкси Ванг и Пьер Яред. Мы также хотели бы поблагодарить Тимоти Бесли, Джоан Эстебан, Доминик Ливен, Дебрадж Рая, Стергиоса Скапердаса и Рагнара Торвика за их комментарии. Мы признательны также Эрнесто Кальво, снабдившему нас историческими данными по распределению доходов в Аргентине (глава III), и Питеру Линдерту за помощь с данными относительно неравенства в Великобритании. Александр Дебс, Леопольдо Фергюссон, Пабло Керубин и Пьер Яред также оказали неоценимую помощь в проведении исследования.

ВОПРОСЫ И ОТВЕТЫ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I. Пути политического развития

Чтобы понять, почему одни страны являются демократиями, в то время как другие — нет, полезно различать характерные пути развития политических институтов. Только некоторые из этих путей заканчиваются демократией (по крайней мере в данный момент времени). Эти стилизованные пути помогут нам ориентироваться в сложностях сравнений в реальном мире, и они иллюстрируют основные механизмы, которые, как мы полагаем, связывают экономическую и политическую структуры общества с политическими институтами.

Есть четыре основных пути политического развития. Во-первых, это путь, который постепенно, но неумолимо ведет от недемократии к демократии. Будучи однажды созданной, демократия никогда не подвергается угрозам, сохраняется и консолидируется. Великобритания является лучшим примером такого пути политического развития. Во-вторых, есть путь, ведущий к демократии, но при этом демократия, будучи созданной, быстро терпит крах. Вслед за этим те силы, которые привели к первоначальной демократизации, вновь утверждаются, но затем демократия снова терпит крах, и цикл повторяется. Этот путь, где демократия, возникнув, остается неконсолидированной, лучше всего иллюстрируется опытом Аргентины в XX в. Логично, что третий путь — это путь, при котором страна остается недемократической или демократизация сильно задерживается. Поскольку есть важные вариации в истоках такого пути, полезно разделить его на два. В первом случае демократия никогда не создается потому, что общество сравнительно эгалитарно и процветающе, что делает стабильным недемократическое политическое статус-кво. Системе не бросают вызов, так как люди достаточно довольны при существующих политических институтах. Сингапур — общество, чью политическую динамику мы характеризуем таким образом. Во втором случае из этих недемократических путей возникает противоположная ситуация. Общество отличается большим неравенством и эксплуатацией, это делает перспективу демократии настолько угрожающей для политических элит, что они используют все возможные средства, включая насилие и репрессии, чтобы избежать ее. Южная Африка до краха режима апартеида для нас является классическим примером такого пути.

В этой главе мы проиллюстрируем эти четыре пути и те механизмы, которые приводят общество на один из них, проанализировав политическую историю четырех стран. Мы рассматриваем динамику их политического развития, исследуя, почему она заканчивается консолидированной демократией в Великобритании, неконсолидированной демократией в Аргентине и устойчивой недемократией — хотя и в разных формах — в Сингапуре и Южной Африке. Это рассмотрение выявляет многие из факторов, которые, как покажет последующий анализ, являются решающими, определяя то, почему общество движется по одному пути, а не по другому.

1. ВЕЛИКОБРИТАНИЯ

Возникновение демократии в Великобритании связано с учреждением регулярных парламентов, которые были форумом аристократии для обсуждения мер государственной политики и переговоров с королем по поводу налогов. Только после Славной революции 1688 г. парламенты стали собираться регулярно, но на основе очень узкого избирательного права. Членство в парламенте в то время основывалось на унаследованных феодальных представлениях о наличии в обществе различных «сословий». Ими были духовенство и аристократия, заседавшие в Палате лордов по праву, и третья сословие, заседавшее в Палате общин. Члены Палаты общин в принципе избирались, хотя с XVIII в. по середину XIX в. большинство выборов проходило на бесконкурентной основе, так что реального голосования по сути не было [Lang, 1999, p. 12]. Кандидаты обычно предлагались влиятельными лендлордами или аристократами и, поскольку голосование было не тайным, а открытым и легко наблюдаемым, большинство избирателей не осмеливались идти против их желаний [Namier, 1961, p. 83; Jennings, 1961, p. 81].

Тем не менее конституционные сдвиги, произошедшие после гражданской войны 1642–1651 гг. и Славной революции 1688 г., привели к существенным переменам в политических и экономических институтах, что имело важные последствия для будущего демократии [North, Thomas, 1973; North, Weingast, 1989; O'Brien, 1993; Acemoglu et al., 2005]. Эти перемены возникли из конфликта между намерением монархии Стюартов сохранить и расширить свою абсолютистскую власть и стремлением парламента ограничить ее. Парламент победил. Результатом стала перестройка политических институтов, существенно ограничившая властные полномочия монарха и, соответственно, усилившая полномочия парламента. Эти изменения в политических институтах привели к намного большей обеспеченности прав собственности, поскольку народ более не опасался хищничества со стороны государства. В частности,

они передали власть в руки парламента, где были представлены торговцы и землевладельцы, ориентированные на рыночные продажи. К концу XVIII в. в Великобритании начался устойчивый экономический рост.

Первым важным шагом к демократии в Британии был Акт о реформе 1832 г. Он устранил многие из худших несправедливостей старой избирательной системы, в частности, «гнилые местечки», где несколько членов парламента выбирались очень немногими избирателями. Реформа 1832 г. также ввела право голоса, устанавливаемое единообразно, на основе собственности и дохода.

Первый Акт о реформе был принят в условиях растущего народного недовольства существующим политическим статус-кво в Великобритании. С. Ланг отмечает:

...страх перед революцией, рассматриваемой как особый риск в силу роста новых индустриальных районов, не уменьшился, но возрос в годы после Ватерлоо, и правительство лорда Ливерпула (1821–1827) прибегло к политике жестких репрессий [Lang, 1999, p. 26].

К началу XIX в. промышленная революция была уже в полном разгаре и десятилетие перед 1832 г. ознаменовалось народным недовольством и постоянными бунтами. Заслуживают упоминания восстания луддитов в 1811–1816 гг., бунты в Спа Филдс в 1816 г., резня в Питерлоо в 1819 г. и восстания Свинга в 1830 г. (см. обзоры этих событий: [Darvall, 1934; Stevenson, 1979]). Другим катализатором реформ явилась Июльская революция 1830 г. в Париже. Среди историков сложился консенсус относительно мотива реформы 1832 г., он заключался в стремлении избежать общественных потрясений. Ланг заключает, что

уровень недовольства сыграл в пользу немедленной реформы, сейчас, а не позднее: было просто слишком опасно откладывать дальше. Так же как Веллингтон и Пил провели освобождение, чтобы избежать восстания в Ирландии, так и виги... должны были согласиться на реформу как меньшее из двух зол [Lang, 1999, p. 36].

Акт о реформе 1832 г. увеличил совокупный электорат с 492 700 человек до 806 тыс., что представляло собой около 14,5% взрослого мужского населения. Тем не менее большинство народа Британии голосовать не могло, а аристократия и крупные землевладельцы сохраняли существенные возможности для патронажа, так как 123 избирательных округа имели менее тысячи избирателей. Имеются также свидетельства продолжающейся коррупции и запугивания избирателей вплоть до второй половины XIX в., когда были приняты соответствующие законы — Акт о голосовании 1872 г. и Акт о коррупции и противозаконных действиях 1883 г. Таким образом, Акт о реформе 1832 г. не создал массовой демократии,

но был разработан как стратегическая уступка. Неудивительно, что вопрос о парламентской реформе оставался животрепещущим и после 1832 г. и поднимался в основном движением чартистов.

Энергия реформы в конце концов набрала силу в 1867 г., прежде всего благодаря сочетанию нескольких факторов. Среди них был резкий спад делового цикла, породивший большие экономические трудности и усиливший угрозу насилия. Также важным было основание Национального союза за реформы в 1864 г. и Лиги реформы в 1865 г., а беспорядки в Гайд-парке в июле 1866 г. стали главным катализатором. Дж. Серл утверждает, что

возбуждение в стране по поводу реформы явно сделало много для того, чтобы убедить министерство Дерби в том, что Билль о реформе должен стать законом в кратчайшие сроки [Searle, 1993, p. 225].

Эта интерпретация поддерживалась многими другими историками (см., например: [Trevelyan, 1937; Harrison, 1965]).

Второй Акт о реформе был принят в 1867 г. Совокупный электорат увеличился с 1,36 млн до 2,48 млн человек, и избиратели из рабочего класса стали большинством во всех городских избирательных округах. Электорат снова удвоился благодаря третьему Акту о реформе 1884 г., который распространил законодательные нормы о голосовании, уже существовавшие в городских избирательных округах, на графства (сельские избирательные округа). Акт о перераспределении 1885 г. убрал многие остававшиеся неравенства в распределении мест, и с этого момента в Великобритании существуют только одномандатные избирательные округа (ранее многие округа избирали двух членов парламента — двух кандидатов, получивших наибольшее количество голосов). И в этот раз, как представляется, общественные беспорядки были важным фактором в принятии Акта 1884 г. (см., например: [Hayes, 1982; Lang, 1999, p. 114]).

После Первой мировой войны Акт о представительстве народа 1918 г. дал право голоса всем взрослым мужчинам старше 21 года и тем женщинам старше 30, которые были налогоплательщиками или замужем за налогоплательщиками. И наконец, все женщины получили право голоса на равных условиях с мужчинами в 1928 г. Законодательные меры 1918 г. были предметом переговоров во время войны и, возможно, до некоторой степени отражают сделку между правительством и трудящимися классами, которые были нужны, чтобы воевать и производить вооружения. Дж. Гаррард тем не менее отмечает, что

большинство полагало, что для выживания системы и «преобладания удовлетворенности и стабильности» невозможно было отказать во всеобщем гражданском праве людям, которые, как считалось, так много страдали и уже знали революцию в России [Garrard, 2002, p. 69].

1. Пути политического развития

В целом, картина, возникающая из британской политической истории, ясна. Начиная с 1832 г., когда Великобританией правили сравнительно богатые, прежде всего сельская аристократия, на протяжении 86 лет делались стратегические уступки взрослым мужчинам. Эти уступки были нацелены на инкорпорирование ранее лишенных права голоса в политику, поскольку альтернативой виделись общественные волнения, хаос и, возможно, революция. Уступки были постепенными, потому что в 1832 г. социальный мир мог быть приобретен подкупом средних классов. Более того, эффект уступок был ослаблен из-за особенностей политических институтов, главным образом из-за сохранявшегося непредставительного характера Палаты лордов. Хотя и подвергнутая атаке во время реформ 1832 г., Палата лордов оставалась важным оплотом богатых против потенциала радикальных реформ, исходивших из демократизированной Палаты общин. Так продолжалось как минимум до Первой мировой войны, когда противостояние с либеральным правительством Герберта Асквита по поводу введения элементов государства всеобщего благосостояния привело к существенным ограничениям власти лордов. После 1832 г., когда рабочий класс реорганизовался в чартистском движении и, позднее, в профсоюзах, пришлось делать дальнейшие уступки. Первая мировая война и ее следствия окончательно закрепили последний шаг — введение полной демократии. Хотя давление лишенных права голоса оказало большее влияние на одни реформы, чем на другие, и иные факторы, несомненно, также сыграли в этом свою роль, угроза общественных волнений была движущей силой в создании демократии в Великобритании.

Возникновение британской демократии и ее последующая консолидация имели место в обществе, давно сбросившем почти все остатки средневековой организации и успешно отразившем угрозу абсолютизма. Они также проходили в условиях быстрой индустриализации, урбанизации, распространения фабричной системы, растущего неравенства и — в период отмены законов о зерне — быстрой глобализации экономики.

2. АРГЕНТИНА

Современная Республика Аргентина берет свое начало в 1810 г., когда была провозглашена ее независимость. Вслед за этим страна погрузилась в хаос гражданских войн и внутренних конфликтов по поводу структуры власти и политических институтов. Хаос в конце концов утих в 1860-е годы. В 1853 г. была написана новая конституция и в 1862 г. Бартоломе Митре был избран первым президентом объединенной республики. Митре начал создавать государство в благоприятных условиях

первого из нескольких бумов сельскохозяйственного экспорта, поддерживавших экономику Аргентины до 1930 г. Он создал государственную бюрократию, систему налогообложения и правовую систему, и в этот же период были заложены основы электоральной политики. Однако

избирательный закон 1853 г., целью которого было допустить участие народа в политическом процессе, с самого начала оказался обманом. Выборы неизменно были пародийным ритуалом, инсценированным и управляемым лакеями сильных, лишь с ничтожной долей участия электората [Rock, 1987, p. 129].

После Митре президентом стал Доминго Сармьенто, и вокруг него сформировалась партия, Партидо Аутономиста Насиональ (ПАН). Сменяющие друг друга президенты ПАН удерживали власть до 1916 г., манипулируя выборами. Однако они делали это в условиях нарастающего общественного недовольства. После 1889 г. сложилась действенная оппозиция в виде Унион Сивика, в июле 1890 г. поднявшая восстание против власти. После 1891 г. Унион Сивика Радикаль (радикалы) под руководством Иполито Иригойена поднимали восстания в 1893 и 1905 гг. Однако несмотря на сохранение режимов, основанных на контроле и принуждении электората,

аргентинские элиты стали осознавать все большее сходство между западноевропейскими обществами и их собственным, с растущими городами и появляющимися новыми общественными классами. Притягательность демократии основывалась на том, что она обещала политическую стабильность, ибо, при сохранении исключаящего [из участия в выборах] политического режима, страна рисковала повторить потрясения начала 1890-х годов [Ibid., p. 184–185].

В 1910 г. Роке Саенз Пенья, один из ведущих сторонников политической реформы, стал президентом. Как пишет Д. Рок:

...Радикалы, социалисты и, косвенно, анархисты помогли придать энергии движению за реформу в начале века. Прогрессисты среди элиты опасались растущей народной поддержки радикалов, задаваясь вопросом, откуда придет следующее восстание [Ibid., p. 188].

В 1912 г. был принят так называемый закон Саенза Пеньи, введший тайное голосование и запрещавший махинации на выборах. Всеобщее избирательное право для мужчин, впервые введенное конституцией 1853 г., наконец стало реальностью.

П. Смит [Smith, 1978, p. 10] утверждает, что реформа была «просчитанным маневром для спасения существующей системы из-за обеспокоенности волнениями рабочих и явной угрозы насилия».

После этих реформ, Иригойен был избран президентом в 1916 г.:

...Реформы также принесли неожиданные результаты. Саенз Пенья и его сторонники поддерживали избирательную реформу, полагая, что старые олигархические группировки приспособятся к новым условиям и объединятся в сильную консервативную партию, которая получит большую поддержку масс... вместо этого, усилия консерваторов по объединению постоянно проваливались [Rock, 1987, p. 190].

Вследствие этого радикальная партия стала доминировать в аргентинской политике, создавая серьезную угрозу традиционным интересам. В 1916 г. консерваторы получили 42% голосов избирателей, но к 1928 г. они скатились до 25%. Смит [Smith, 1978, p. 21] отмечает, что «эта ситуация резко контрастирует со Швецией и Великобританией... где традиционные элиты продолжали доминировать в системе после расширения избирательного права». В результате «к 1930 г. иригойенисты имели существенное представительство в верхней палате и угрожали получить полное большинство на предстоящих выборах» [Ibid., p. 12]. Таким образом, «политическая система стала представлять самостоятельную угрозу социально-экономической системе... Вполне понятно, что в свете своих прежних ожиданий консерваторы стали воспринимать демократию как нечто дисфункциональное» [Ibid., p. 15; Potter, 1981].

В сентябре 1930 г. Иригойен был смещен со своего поста военным переворотом, вслед за которым в 1931 г. последовали нечестные выборы. «Выборы 1931 г. вернули власть тем же группам (в широком смысле), что контролировали ее до 1916 г. — экспортерам из пампы и мелким землевладельцам провинций» [Rock, 1987, p. 217]. Далее в 1930-е годы консерваторы постоянно использовали махинации на выборах для сохранения власти, хотя к 1940 г. они пытались, до некоторой степени, инкорпорировать радикалов. Смена у власти консервативных администраций закончилась с военным переворотом 1943 г.

После переворота 1943 г. президентами становились военные; однако основной особенностью этого периода был подъем к власти Хуана Доминго Перона, первоначально как члена военной хунты и затем как избранного президента в 1946 г. Перон придал военному режиму более радикальную направленность в пользу рабочих и организовал политическую машину на основе государственного контроля над рабочим движением. Во время своего первого президентства Перон осуществил значительное увеличение заработной платы и социальных благ для рабочих. Его политика была направлена на перераспределение из сельскохозяйственного сектора в городской. В эти меры входила активная проиндустриальная политика протекционизма и импортозамещения [O'Donnell, 1978, p. 147]. Перон был переизбран в 1951 г., хотя выборы

были омрачены коррупцией и подавлением оппозиции, и затем отстранен от власти переворотом 1955 г. Между 1958 и 1966 гг. к власти возвратились гражданские правительства, жестко ограничиваемые военными, но только для того, чтобы быть сметенными новым переворотом в 1966 г. (классический анализ этих событий см.: [O'Donnell, 1973]).

В 1966 г. генерал Карлос Онганья стал президентом, но его режим вскоре столкнулся с направленной против него существенной социальной мобилизацией [Rock, 1987, p. 349]. М. Кавароззи [Cavarozzi, 1986, p. 36] отмечает важность «народного восстания 1969 г., которое объединило “белых” и “голубых воротничков”, студентов и городскую бедноту». За этим бунтом против диктатуры последовали иные, особенно в 1971 г.; он совпал с появлением нескольких вооруженных и партизанских группировок, стремящихся к свержению режима.

Демократия была воссоздана в 1973 г., когда Перон вернулся из ссылки и был избран президентом на первых подлинно демократических выборах после его избрания в 1946 г. Однако демократизация развязала те же конфликты по поводу распределения, что и ранее, и «как и в 1946 г., сутью его программы было перераспределение доходов в пользу рабочих, расширение занятости и возобновленные социальные реформы» [Rock, 1987, p. 361]. В 1976 г. перонистское правительство, возглавляемое после смерти Перона в 1974 г. его третьей женой Исабель, пало вследствие переворота, возглавленного генералом Хорхе Виделой. «Придя к власти, армия приступила к подавлению всякого остающегося сопротивления революции во власти, целью которой был полный демонтаж перонистского государства» [Ibid., p. 366]. Режим, продержавшийся до войны за Фолклендские (Мальвинские) острова 1982–1983 гг., был самым репрессивным в аргентинской истории. Десятки тысяч людей «исчезли» и многие тысячи были брошены в тюрьмы без суда, подверглись пыткам и изгнанию в ссылку. Генерал Роберто Виола сменил у власти Виделу в 1981 г., но в том же году был смещен генералом Леопольдо Гальтиери.

Так как военные все более чувствовали себя в осаде и народный протест против них возрастал, они предприняли злополучное вторжение на Фолклендские (Мальвинские) острова. Гальтиери ушел в отставку, когда аргентинские вооруженные силы сдались в июне 1982 г., и на следующий год демократические выборы привели к избранию президентом радикала Рауля Альфонсина. Аргентина снова стала демократией при Альфонсине, которого сменили на этом посту Карлос Менем в 1990 г., Фернандо де ла Руа в 2000 г. и — после озадачивающей череды временных президентов во время экономического кризиса 2001–2002 гг. — Нестор Киршнер в 2003 г.

Таким образом, политическая история Аргентины представляет необычную модель, когда демократия была создана в 1912 г., подорвана в

1930 г., воссоздана в 1946 г., подорвана в 1955 г., полностью воссоздана в 1973 г., подорвана в 1976 г. и окончательно восстановлена в 1983 г. В промежутках существовали различные виды недемократического правления, варьирующие от ограниченных демократий до чисто военных режимов. Политическая история Аргентины — история непрекращающейся нестабильности и конфликтов. Экономическое развитие, изменения в классовой структуре и быстро увеличивающееся неравенство вследствие экспортного бума с начала 1880-х годов совпали с давлением на традиционную политическую элиту в пользу «открытия» системы. Но природа аргентинского общества предопределяла нестабильность демократии. Традиционным интересам слишком сильно угрожал приход к власти радикалов, чьи интересы постоянно подрывали демократию. Экономические перемены 1930-х годов только усугубили этот конфликт. Рабочие стали сильнее и воинственнее, найдя лидера в Пероне, и конфликты по поводу распределения благ с тех пор встроились в борьбу перонистов и антиперонистов. Диктаторские режимы рушились вследствие социального протеста, а демократии терпели крах потому, что их радикальная, популистская и часто нереалистичная политика вызывала военные перевороты.

3. СИНГАПУР

Сэр Стамфорд Раффлз приобрел остров Сингапур для британской Ост-Индской компании у местного малайского правителя в 1819 г. [Turnbull, 1989; Huff, 1994; Milne, Mauzy, 1990; 2002]. В то время этот остров площадью 622 кв. мили, лежащий всего в 176 км к северу от экватора, был малонаселенным — всего лишь несколько сотен жителей. Вскоре он стал для Ост-Индской компании важным торговым портом и быстро развивался в качестве делового центра и перевалочного пункта. Эту роль он продолжал играть даже после краха Ост-Индской компании (Сингапур стал колонией британской короны в 1867 г. как часть колонии Стрейтс-Сеттлментс) и в еще большей степени в связи с британской колонизацией Малайского полуострова после 1870-х годов и развитием экспортно-ориентированной экономики в Малайе, основанной на таких товарах, как олово и каучук.

После Второй мировой войны и жестокой японской оккупации в Сингапуре, как и во многих других британских колониях, начавших стремиться к получению независимости, имело место политическое пробуждение. Первые выборы в законодательный совет были проведены в 1948 г. на основе очень ограниченного избирательного права; при этом большинство членов совета по-прежнему назначалось британским губернатором. Конец 1940-х и начало 1950-х годов ознаменовались вол-

нениями рабочих, забастовками и демонстрациями. В 1955 г. они вынудили Великобританию ввести новую конституцию, предложенную комиссией Ренделла, согласно которой большинство мест в законодательном совете должно было быть выборными, и лидер партии большинства становился главным министром. Однако за выборами 1955 г. последовали еще большие волнения и беспорядки, переговоры по поводу конституции возобновились, и новые выборы были запланированы на 1959 г., причем Сингапур получал почти полное внутреннее самоуправление. Было введено всеобщее избирательное право, и Партия народного действия (ПНД), возглавляемая Ли Куан Ю, получила 43 места из 51 на выборах 1959 г.

С самого начала ПНД энергично способствовала индустриализации. Ее стратегией, в частности, было приручение профсоюзов и создание послушной рабочей силы для привлечения международных корпораций. В 1959 г. она начала сокращать власть профсоюзов, что было окончательно достигнуто в 1967 и 1968 гг., когда все профсоюзы были поставлены под контроль правительства. Это сопровождалось созданием государственного органа — Национального конгресса профсоюзов и запретом забастовок. В то же время Ли Куан Ю и лидеры ПНД дистанцировались от более радикальных элементов партии. В результате в 1961 г. партия раскололась, и 13 членов ее парламентской фракции создали новую партию — Барисан Сосиалис (БС). ПНД оправилась от этой неудачи и еще до получения независимости начала демонстрировать искусство политического маневрирования:

...ПНД затем укрепила свою власть, проводя репрессии против БС и профсоюзов. Весьма впечатляющим образом незадолго до выборов в 1963 г. ПНД использовала полицейский спецназ для проведения массовых арестов под названием «операция “Холодный склад”», оставив БС без высшего руководства [Case, 2002, p. 86].

В результате чего на выборах 1963 г. ПНД получила 37 мест из 51, а БС — 13.

На этой начальной стадии ПНД рассматривала интеграцию с Малайей как часть своей стратегии экономического развития, поскольку она гарантировала обширный рынок сбыта для сингапурских фирм. В 1963 г. Малайя, Сингапур, Сабах и Саравак объединились в Федерацию Малайзии. Однако в 1965 г. Сингапур был из нее исключен вследствие трений между малайскими и китайскими политиками (например, Ли Куан Ю проводил избирательную кампанию в Куала-Лумпуре во время всеобщих выборов 1964 г. в Малайзии к ярости малайзийских политиков).

После установления республики в 1965 г. ПНД начала преследовать своих политических противников. Вследствие этого все члены БС отка-

I. Пути политического развития

зались от своих мест в парламенте и бойкотировали выборы 1968 г. При этом ПНД получила все 58 мест, хотя за 51 из них и не велось никакой борьбы. Она также получила все места в 1972, 1976 и 1980 гг., выступая против ряда оппозиционных партий, включая БС, вновь оспаривавших места в парламенте на выборах после 1972 г. Наконец, на дополнительных выборах 1981 г. членом парламента был избран первый оппозиционер с 1968 г. Второй был избран в 1984 г., и к 1991 г. их было четверо. Однако оппозиция выставляла кандидатов только для борьбы за меньшинство мест; поэтому ПНД всегда было гарантировано большинство в парламенте. В 1997 г. ПНД получила 82 места из 83. На выборах 2001 г. она завоевала 81 место. Чтобы избежать появления реальной оппозиции и усмирить стремления к какому-либо альтернативному представительству, ПНД ввела особые места в парламенте вне избирательных округов для тех проигравших на выборах членов оппозиции, которые получили наибольшее количество голосов. К 2001 г. было девять таких членов парламента. В 1990 г. Ли Куан Ю ушел в отставку с поста премьер-министра; его сменил Го Чок Тонг, а в 2004 г. — сын Ли Куан Ю, Ли Сянь Лун.

На протяжении всего этого периода ПНД расширяла свой контроль над обществом, особенно через контроль над средствами массовой информации. У. Кейс [Case, 2002, p. 89] показывает, что «занимающиеся политикой в Сингапуре рискуют столкнуться с внесением в черные списки, бойкотом, судебным преследованием, налоговыми расследованиями, утратой возможностей для ведения бизнеса и содержанием под стражей без суда». Чтобы сохранить свою власть и избежать потери мест в парламенте, ПНД в широком масштабе занимается нарезкой избирательных округов в свою пользу. Хотя первоначально избирательная система основывалась на одномандатных округах в британском стиле, теперь она представляет собой смесь одномандатных и многомандатных округов (называемых «округами группового представительства»). Г. Роден [Rodan, 1997, p. 178] отмечает, что «одномандатные округа, в которых оппозиционные кандидаты заметно приблизились к победе над кандидатами от ПНД на последних выборах, исчезли, обычно будучи поглощены округами группового представительства, где выставляются действующие члены парламента от ПНД».

Когда приходит время выборов, ПНД также откровенно угрожает электорату, чтобы повлиять на исход голосования. Роден указывает, что в 1997 г. избиратели

...были поставлены перед жестким выбором: вернуть в парламент кандидатов от власти и выиграть от новых дорогостоящих социальных программ или столкнуться с их отменой или задержкой в отместку за избрание противников ПНД. ...Особую озабоченность вызвали угро-

зы Го по поводу многомиллионной программы капитального ремонта жилья. Учитывая то, что около 86% сингапурцев живут в квартирах, построенных государством, электорат очень уязвим перед таким запугиванием. Объявление о новой системе подсчета голосов, позволяющей правительству проследить электоральные предпочтения вплоть до уровня округов в 5000 избирателей, подкрепило эту угрозу [Rodan, 1998, p. 179].

В силу малых размеров и колониальной истории Сингапура в нем нет аристократии — земельной или какой-либо иной, что важно для сингапурской политики. Уровень урбанизации острова — 100%, этнический состав населения — примерно 75% китайцев, 15% малайцев и 8% выходцев с субконтинента Индостан. До независимости в Сингапуре также отсутствовали крупные капиталисты или интересы бизнеса, а после получения независимости крупнейшими капиталистами в Сингапуре являются иностранцы, которым, как кажется, способствует ПНД за счет интересов местного бизнеса. Основанная профессионалами, получившими английское образование, и представителями среднего класса, ПНД рекрутирует своих политиков из таких профессионалов и государственных служащих, а не через членство в партии. На самом деле партия существует в основном как избирательный механизм; в иных случаях она действует через структуры власти, а не через какие-либо независимые низовые организации. В 1984 г. Ли Куан Ю сказал: «Я не приношу извинений за то, что ПНД — это Государство, а Государство — это ПНД» (цит. по: [Milne, Mauzy, 1990, p. 85]).

В целом, мы видим, что Сингапур шел к демократии и независимости, когда его граждане протестовали против британского колониального правления, но после 1963 г. ПНД установила однопартийную систему. С того времени экономика быстро росла, неравенство было низким, и ПНД удерживала власть относительно мягкими средствами, способствуя своей популярности с помощью ширококомасштабных социальных программ, но также прибегая и к угрозам и принуждению. Хотя практикуются запугивание и аресты, не было «исчезновений» и очевидно, что оппозиция правлению ПНД невелика, так же как и давление в пользу политических перемен.

4. ЮЖНАЯ АФРИКА

Начало европейского присутствия в Южной Африке датируется 1652 г., когда голландская Ост-Индская компания основала колонию в районе Столовой бухты. Целью было сельскохозяйственное производство для обеспечения провиантом кораблей компании, плывших вокруг мыса Доброй Надежды из Европы в Азию. Голландские поселения постепен-

но расширялись за счет коренного готтентотского населения, но к концу XVII в. распространялись только примерно на сотню миль вглубь материка. Стратегическое положение Капской колонии сделало ее важным призом в геополитическом соперничестве. Во время наполеоновских войн она была захвачена Великобританией, сначала в 1795 г. и затем — на этот раз окончательно — в 1806 г., и слилась с Британской империей.

Британцы, так же как и голландская Ост-Индская компания, первоначально не имели никаких планов относительно внутренних районов и были более озабочены безопасностью морских путей в Индию и Азию. Однако колониальная политика британцев оттолкнула многих голландских поселенцев, которые стали известны как «буры» или «африканеры». В ответ на нее буры в массовом масштабе двинулись во внутренние районы, основав Оранжевое Свободное Государство в 1854 г. и Трансвааль в 1860 г.

Британские власти придали формальную структуру политическим институтам Капской колонии в 1853 г., когда ими был учрежден двухпалатный парламент, который мог законодательствовать по вопросам внутренней политики (хотя Лондон мог наложить вето на его решения). Исполнительная ветвь власти состояла из должностных лиц, назначаемых колониальной администрацией. Избирательная система при выборах в законодательный орган не лишала население права голоса по расовому принципу, но вместо этого переняла британскую модель ограничений на основе собственности и доходов [Thompson, 1995, p. 65].

Политическое равновесие между Британской империей и бурскими республиками нарушилось в связи с открытием алмазов в Кимберли и золота в Уитвотерстренд в 1870-е годы. Трудовые отношения в этих регионах быстро приобрели характер того, что впоследствии стало известно как «апартеид», когда негры не могли искать алмазы, были принуждены носить пропуска для регулирования их трудовой мобильности, они не допускались к желаемым видам трудовой деятельности, которые закреплялись за белыми, и были вынуждены жить в сегрегированных сообществах и лагерях. Великобритания аннексировала алмазные поля в 1871 г., Трансвааль в 1877 г., а в 1879 г. нанесла окончательное поражение могущественному королевству зулусов. Однако Трансвааль поднял успешное восстание в 1881 г. и только после Англо-бурской войны 1899–1902 гг. британские власти завоевали все бурские республики. Британцы побуждали колонии к объединению и в 1910 г. Капская колония, Наталь, Оранжевое Свободное Государство и Трансвааль сформировали Южно-Африканский Союз.

Первое правительство Союза, руководимое Луисом Ботой и Яном Смутсом, постепенно начало усиливать многие из существенных неравенств южноафриканского общества. Кульминацией этого процесса

стало создание вполне развитого режима апартеида с избранием Национальной партии (НП) во главе с Д.Ф. Маланом в 1948 г. Например, в 1913 г. Акт о землях коренного населения запретил африканцам покупать землю за пределами «территорий коренного населения», т.е. резерваций, созданных для африканцев и в 1939 г. составлявших примерно 12% земель (африканцы в это время составляли 70% населения; см.: [Thompson, 1995, table 1, p. 278]).

В то же время с основанием Африканского национального конгресса (АНК) в 1912 г. начало формироваться организованное политическое сознание коренных африканцев. Сначала это было умеренное движение, организованное африканцами из среднего класса, но после Второй мировой войны АНК начал радикализироваться вследствие неудачи попыток либерализовать систему. В 1943 г. АНК принял заявление, названное «Требования африканцев в Южной Африке», впервые потребовав всеобщего избирательного права для взрослых.

После 1948 г. применение апартеида на практике достигло своего апогея, когда пост премьер-министра занимал Хендрик Фервурд между 1958 и 1966 гг. Правительство пыталось переселить всех африканцев в восемь (затем десять) хоумлендов, и только те африканцы, чей труд требовался для экономики белых, могли присутствовать на «европейских территориях». Они должны были носить с собой «пропуска», доказывающие, что они на законных основаниях находятся за пределами территорий племен.

Режим апартеида поддерживался с помощью массовых нарушений политических и гражданских прав. Правительство установило жесткий контроль над средствами массовой информации и имело монополию на радио- и телевидение. Полиции были даны широкие полномочия арестовывать людей без суда и держать их неограниченное время в одиночном заключении. Согласно Акту об общественной безопасности 1953 г. правительство могло объявлять чрезвычайное положение и править своими постановлениями.

На протяжении 1950-х годов АНК постоянно бросал вызов на улице и в судах политике Национальной партии. Во время одной из таких демонстраций в Шарпвилле вспыхнули беспорядки и полиция начала стрелять в толпу, убив 83 человека. После этого инцидента власти перешли к политике полного искоренения АНК и в 1964 г. Нельсон Мандела и другие члены высшего руководства движения были помещены в тюрьму на острове Роббен. Несмотря на то что значительная часть лидеров движения оказалась в южноафриканских тюрьмах или в ссылке, АНК оставался центром сопротивления режиму. НП и далее продавливала свою идею создания независимых хоумлендов (или «бантустанов»), гражданами которых были бы все африканцы. В 1976 г. Транскей и Бопу-

татсвана властями ЮАР были объявлены независимыми государствами (хотя их так никогда и не признало ни одно государство или международная организация).

В 1976 г. бунт в Соуэто, большом пригороде Йоханнесбурга, населенном африканцами, закончился убийством 575 человек [Thompson, 1995, p. 212–213]. Соуэто стало поворотной точкой. В 1960-е годы режим апартеида смог сокрушить руководство АНК, но

после восстания в Соуэто культура протеста распространилась на черное население Южной Африки. Студенты и рабочие, дети и взрослые, мужчины и женщины, образованные и необразованные стали участвовать в усилиях по освобождению страны от апартеида [Ibid., p. 228].

Режим апартеида не имел никакого выбора, кроме как пойти на некоторые уступки. Он немедленно объявил о прекращении создания хоумлендов. Однако как только беспорядки улеглись власти нарушили обещание, и два новых хоумленда были созданы в начале 1980-х годов. Более важным было то, что правительство перешло к легализации профсоюзов африканцев и в 1984 г. ввело новую конституцию, согласно которой индийцы и «цветные» получили свои собственные законодательные органы. Белые оставались в значительном большинстве в парламенте. После избрания президентом П.У. Боты в его кабинете был лишь один индеец и один «цветной», оба они были министрами без портфеля. После 1984 г. власти также устранили трудовые ограничения, запрещавшие африканцам заниматься теми или иными видами деятельности.

Тем не менее фундаментальная философия или структура апартеида оставалась неизменной. Поэтому уступки оказались недостаточными для того, чтобы предотвратить забастовки, бунты и волнения, становившиеся все более частыми. Например, в 1985 г. было 390 забастовок, в которых участвовали 240 тыс. рабочих, и 879 человек было убито в ходе политического насилия. Профсоюзы африканцев, легитимированные в качестве уступки после Соуэто, были на переднем фронте антиправительственной деятельности. В июне 1986 г. кабинет Боты ответил на эти события введением чрезвычайного положения и отправкой армии в поселки африканцев для восстановления порядка.

Ситуация для режима апартеида ухудшилась в октябре 1986 г., когда Соединенные Штаты ввели санкции. С середины 1980-х годов, видя нереалистичность сохранения существующих институтов, многие члены южноафриканской белой элиты начали делать попытки примирения с АНК и лидерами чернокожих. Хаос в промышленности, вызванный забастовками, наносил серьезный ущерб прибылям, и с конца 1970-х годов из Южной Африки шел непрерывный отток капитала [Wood, 2000,

Fig. 6.3, p. 154]. Видные белые бизнесмены встречались с представителями АНК в Лондоне и других местах, и сам Мандела был возвращен с острова Роббен и многократно участвовал в переговорах с членами администрации Боты:

...Как признавал Мандела, для осуществления мирного перехода нужно было найти способ примирить требование АНК о правлении большинства с «настойчивым требованием белых о структурных гарантиях того, что правление большинства не будет означать господства чернокожих над белым меньшинством» [Thompson, 1995, p. 244].

В феврале 1989 г. Л.В.У. де Клерк сменил П.В. Боту в качестве главы НП и в сентябре был избран президентом:

...Де Клерк... понимал, что нажим изнутри и извне подрывает «расовый порядок». Он заключил, что лучшей надеждой для его народа будет договориться об урегулировании с позиции силы, пока его правительство все еще является доминирующей силой в стране [Ibid.].

В начале 1990 г. он снял запрет на деятельность АНК и освободил Манделу из тюрьмы. Начались интенсивные переговоры о характере перехода от эры апартеида и типе общества, которое придет ему на смену. Переговоры по поводу конституции начались в декабре 1991 г. и НП предложила ряд мер, которые ослабили бы угрозу правления большинства чернокожих:

...Южная Африка должна была стать конфедерацией штатов с широкими и не подлежащими отмене полномочиями. Ее центральной исполнительной властью должна была стать коалиция с участием каждой партии, получившей значительное количество мест на выборах, руководство коалиции подлежало ротации между лидерами партий, и все решения должны были приниматься консенсусом или теми или иными видами квалифицированного большинства [Ibid., p. 248].

Такие положения оказались неприемлемы для АНК, и в июне 1992 г. переговоры были прерваны. В сентябре они возобновились, и к февралю 1993 г. был согласован график переходных мер, приуроченных к выборам в апреле 1994 г. Была достигнута договоренность о временной конституции, согласно которой в 1994 г. избрали первый парламент нового типа, наделенный обязанностью разработать постоянно действующую конституцию. Временная конституция содержала 34 базовых принципа и предписывала, что ни одна последующая поправка не будет юридически действительной, если будет им противоречить; так ли это, должно было определяться конституционным судом, назначенным президентом Манделой. Другие поправки требовали одобрения большинством в две

I. Пути политического развития

трети членов обеих палат парламента. Основной уступкой в пользу НП было то, что кабинет обязательно должен был быть коалиционным, и каждая партия, завоевавшая по меньшей мере 20 мест в национальной ассамблее, получала представительство в правительстве пропорционально количеству мест. АНК получил 62,7% голосов на выборах 1994 г.

С самого начала Южная Африка, как и многие колониальные общества, была обществом большого неравенства, как экономического, так и политического. В XX в. это наследство привело к установлению крайне недемократического государственного устройства, в котором лишь белым были предоставлены избирательные права. После Второй мировой войны африканцы начали успешно мобилизоваться против этого политического статус-кво и оказались способны осуществлять все возрастающий нажим, который сделал сохранение существующего режима апартеида нереалистичным и угрожал массовым восстанием. Попытки режима пойти на уступки, оставляя при этом систему фундаментально неизменной, не смогли достичь этой цели и режим апартеида сохранял власть, используя широкомасштабные репрессии и насилие. В 1994 г. режим был вынужден демократизироваться, чтобы не идти на риск, возможно, намного худших альтернатив.

5. ПОВЕСТКА ДНЯ

Мы рассмотрели четыре очень различных пути политического развития. Великобритания воплощает пример пути к консолидированной демократии без сколько-нибудь значительных шагов назад в ходе этого процесса. Аргентина иллюстрирует возможность перехода к неконсолидированной демократии, которая затем возвращается к недемократии и процесс потенциально может повторяться множество раз. Сингапур — это пример общества, в котором недемократический режим может сохраняться в течение длительного времени, делая сравнительно небольшие уступки, но также и без существенных репрессий. Южная Африка до падения апартеида — пример недемократического режима, сохраняющегося благодаря применению репрессий. Теперь мы предлагаем концептуальную структуру для понимания этих различных путей и разработки прогнозов о том, при каких условиях можно ожидать, что развитие пойдет по тому или иному пути.

II. *Наша аргументация*

Почему Великобритания, Аргентина, Сингапур и Южная Африка пошли различными политическими путями? И в более общем плане, почему некоторые страны демократические, в то время как в других правят диктатуры или иные недемократические режимы? Почему многие недемократические общества переходят к демократии? Что определяет время и место таких переходов? И в связи с этим, почему некоторые демократии, будучи однажды установленными, становятся консолидированными и сохраняются, тогда как другие (как многие в Латинской Америке) становятся жертвами переворотов и возвращаются к диктатурам?

Все это ключевые вопросы для политической науки, политической экономии и социальных наук вообще, однако на них не существует ни широко распространенных ответов, ни общепринятых концептуальных структур для их решения. Цель этой книги — разработать такую структуру для анализа этих вопросов, дать некоторые предварительные ответы и обрисовать будущие области для изучения. Как часть нашего исследования мы сначала анализируем роли различных политических институтов в формировании политических мер и общественного выбора, подчеркивая различия политики в демократических и недемократических режимах. Чтобы это сделать, мы моделируем отношение различных индивидов и групп к различным политическим мерам и, следовательно, к политическим институтам — источникам этих мер.

Чтобы облегчить первоначальное изложение наших идей, полезно представить себе общество состоящим из двух групп — элит и граждан, где последние более многочисленны. Наша концептуальная структура подчеркивает, что общественный выбор по своей природе носит конфликтный характер. Например если элиты — это относительно богатые индивиды (для краткости: богатые), то они будут противиться налогообложению с целью перераспределения; в то время как граждане, которые относительно бедны (для краткости: бедные), будут одобрять налогообложение, перераспределяющие ресурсы в их пользу. В общем, политические меры или общественный выбор, выгодные элитам и выгодные гражданам, будут различаться. Этот конфликт по поводу общественного выбора и политических мер является главной темой в рамках нашего подхода.

Кто является большинством и кто является элитой? Это зависит в некоторой степени от контекста и тех сложных путей, какими формируются политические идентичности в различных обществах. Во многих случаях полезно думать об элите как об относительно богатых ответственных группах, как это было в Великобритании и Аргентине XIX в. Однако это не всегда так: например, в Южной Африке элитами были белые, и во многих африканских странах элиты ассоциируются с той или иной этнической группой. В других обществах, таких как Аргентина в определенные периоды, элитой являются военные.

Возможно, не случайно, что во многих случаях понятия «элита» и «богатые» совпадают. Иногда те, кто были изначально богатыми, могут использовать свои ресурсы для того, чтобы достичь власти, возможно, подкупая военных или иных политиков. В других обстоятельствах власти могут достигать люди, первоначально не бывшие богатыми. Тем не менее политическая власть, будучи достигнутой, может быть использована для того, чтобы приобрести доходы и богатство, так что власти предрасположены естественным образом имеют склонность становиться богатыми. В каждом из этих случаев есть тесная связь между элитой и богатыми.

Наша теория о том, какие общества перейдут от диктатуры к демократии и при каких обстоятельствах демократия станет консолидированной, соотносит эти задачи с конфликтом между элитой и гражданами по поводу политики. Эти группы имеют противоположные предпочтения относительно различных политических институтов, демократии и диктатуры, которые, как они осознают, ведут к различному общественному выбору. Однако мы также подчеркиваем, что политические институты не просто определяют масштаб перераспределения или того, кто получает выгоду от сегодняшней политики; они также играют роль в регулировании будущего распределения политической власти. При демократии граждане имеют больше власти и сегодня, и в будущем, чем в недемократических режимах, потому что они участвуют в политическом процессе.

Концептуальная структура, которую мы разрабатываем, является формальной, так что наше изложение подчеркивает как понятия, которые, по нашему мнению, сущностно важны при размышлении о демократии, так и то, каким образом эти понятия и проблемы можно формально моделировать, используя теорию игр.

1. ДЕМОКРАТИЯ ПРОТИВ НЕДЕМОКРАТИИ

С самого начала следует внести ясность относительно того, какие именно вопросы мы решаем и какие «строительные блоки» используем в нашем подходе. При построении моделей социальных явлений часто ис-

пользуемым принципом является так называемая бритва Оккама. Этот принцип, популяризованный английским философом XIV в. Уильямом Оккамом, заключается в том, что не следует умножать число сущностей, требуемых для объяснения данного явления, более чем это необходимо. Другими словами, мы должны стремиться к высокой степени экономии при формулировке ответов на сложные вопросы. Учитывая сложность проблем, с которыми мы имеем дело, мы часто применяем этот принцип в данной книге не только для того, чтобы упростить ответы на сложные вопросы, но, возможно, еще более смело, для того, чтобы упростить сами вопросы. Фактически мы, чтобы сфокусировать наши основные вопросы, применяем бритву Оккама довольно жестоко и отважно. Мы абстрагируемся от многих интересных деталей и оставляем некоторые в равной степени важные вопросы за пределами нашего исследования. Наша надежда в том, что этот гамбит даст результат, обеспечив относительно четкие ответы на некоторые интересующие нас вопросы. Конечно, читателю судить о том, окупается ли наша стратегия в конечном итоге или нет.

Наш первый выбор касается классификации различных режимов. Многие общества сегодня управляются демократическими режимами, но нет двух абсолютно одинаковых демократий и большинство из них демонстрирует очевидные институциональные различия. Рассмотрим для примера контраст между французской президентской системой и британской парламентской; или между мажоритарными электоральными институтами в США и системой пропорционального представительства, используемой в большей части континентальной Европы. Несмотря на эти различия, имеются и некоторые важные общие черты. При демократии большинству населения позволено голосовать и выражать свои предпочтения относительно мер государственной политики, и предполагается, что власть олицетворяет предпочтения всего населения, или, используя известное выражение, «демократия есть правление народа для народа». В противоположность этому, во многих других странах по-прежнему правят диктаторы и недемократические режимы¹. Между некоторыми из этих недемократических режимов имеются еще более резкие отличия, чем различия между демократиями. К примеру, достаточно поразмыслить о контрасте между правлением Коммунистической партии Китая с 1948 г. и генерала Пиночета в Чили между 1973 и 1989 гг. При обращении к другим недемократиче-

¹ В тексте, несмотря на название книги, мы предпочитаем использовать термин *недемократия* его альтернативам, таким как *диктатура* или *авторитарный режим*, поскольку он имеет меньше особых коннотаций, чем любой из последних терминов.

ским режимам, таким как ограниченные конституционные правления в Европе XIX в., эти различия становятся еще более отчетливыми.

Тем не менее в этих недемократических режимах имеется один общий элемент: вместо выражения желаний широких слоев населения, они репрезентируют предпочтения подгруппы населения: «элиты». В Китае значимы в основном желания Коммунистической партии. В Чили большинство решений принималось военной хунтой; именно ее предпочтения и, возможно, предпочтения некоторых обеспеченных слоев общества, поддерживавших диктатуру, принимались в расчет. В Великобритании до первого Акта о реформе 1832 г. менее 10% взрослого населения — самые богатые и аристократические слои — имели право голосовать, и политические меры, естественно, служили их требованиям.

Из этого ясно, что демократии в общем приближаются к ситуации *политического равенства* в сравнении с недемократиями, которые, в свою очередь, выражают предпочтения намного меньшей части общества и, следовательно, более соответствуют ситуации *политического неравенства*. Мы сосредоточиваем внимание на том, чтобы понять социальные и экономические силы, подталкивающие некоторые общества в сторону режимов с бóльшим политическим равенством, в противоположность силам, поощряющим развитие более недемократических систем. В наших моделях, за исключением главы VIII, мы работаем с дихотомическим разграничением демократии и недемократии. Тем не менее решая, насколько демократичны реальные режимы, а также при эмпирических исследованиях, полезнее думать о различных оттенках демократии. Например, ни один из актов о реформах в Великобритании XIX в. не вводил всеобщего избирательного права для взрослых, но все они были движением в сторону увеличения демократии. Мы хотим понять эти движения; для этого мы начинаем просто с рассмотрения сдвига от недемократии к полной демократии (всеобщего избирательного права для взрослых). Наше определение можно охарактеризовать как «шумпетеровское» [Schumpeter, 1942], поскольку мы подчеркиваем, что страна является демократической, если в ней имеют место некоторые политические процессы, т.е. если есть некоторые ключевые институты, такие как свободные и честные выборы и свободный вход в политику. В той степени, в которой демократия ассоциируется с конкретными результатами, это происходит потому, что они вытекают из ее институциональных характеристик.

Наш подход подразумевает, что мы не просто интересуемся тем, когда было введено всеобщее избирательное право для взрослого населения, но скорее пониманием всех продвижений в сторону увеличения демократии. Например, в Аргентине всеобщее избирательное право для мужчин было введено конституцией 1853 г., но коррупция была на-

столько свойственна выборам, что демократия стала реальностью только после политических реформ президента Саенз Пеньи в 1912 г. В данном случае мы считаем 1912 г. ключевым сдвигом в сторону демократии. В Великобритании реформы 1867 г. значительно расширили право голоса, но всеобщее голосование для мужчин не было признано вплоть до 1919 г. Однако коррупция на выборах была устранена и тайное голосование введено в 1872 г. В этом случае мы рассматриваем 1867 г. как важный шаг к политическому равенству в Британии.

Мы не можем столь же определенно сказать о распространении права голоса на женщин. Почти во всех европейских странах электоральные права были сначала даны взрослым мужчинам и впоследствии распространены на женщин. Это отражало принятые тогда в обществе гендерные роли; когда роли начали меняться по мере занятия женщинами рабочих мест, женщины тоже получили право голоса. Поэтому, вероятно, что механизмы, которые мы предлагаем, лучше описывают наделение избирательными правами мужчин, чем распространение их на женщин.

Наша дихотомическое разграничение демократии и недемократии уместно и полезно только в той степени, в какой в каждом рассматриваемом случае имеются общие для всех демократий элементы (занимающие центральное место в нашей теории), но обычно отсутствующие в недемократиях. И это, действительно, так. Мы утверждаем, что демократия, при которой всегда имеется политическое равенство, заботится об интересах большинства лучше, чем недемократия, в которой обычно доминирует элита, более заботящаяся о собственных интересах. Просто и грубо говоря, недемократия — это обычно режим для элиты и привилегированных; в сравнении с ней демократия — режим, более благоприятный для большинства населения, что выражается в мерах государственной политики, относительно более выгодных для большинства.

Мы утверждаем, что недемократия в сравнении с демократией представляет собой политическое неравенство. При демократии каждый имеет право голоса и, по крайней мере потенциально, может участвовать тем или иным образом в политическом процессе. При недемократии решения принимает хунта или олигархия, или, в экстремальном случае, одно лицо — диктатор. Поэтому противопоставление в категориях политического равенства имеет смысл. Это, конечно, не означает, что демократия соответствует некоему идеалу политического равенства. Во многих успешных демократиях реализован принцип «один человек — один голос», но он далек от совершенного политического равенства. Голоса некоторых граждан громче, и имеющие экономические ресурсы могут влиять на политику по другим каналам кроме голосования, таким как лоббирование, взятки или иные способы убеждения. На протяже-

нии всей книги, когда мы говорим о политическом равенстве при демократии, это всегда *относительное* утверждение.

В общем и целом, очертания нашего подхода начинают принимать конкретный вид. Мы полагаем, что режимы подпадают под одну из двух широких категорий: демократия и недемократия. Демократия мыслится как ситуация политического равенства и характеризуется политикой, относительно более благоприятной для большинства. Часто меры в пользу большинства совпадают с политическими мерами в пользу бедных, особенно с большей тенденцией перераспределять доходы от богатых к бедным. Напротив, недемократия предоставляет большее влияние элите и обычно выбирает менее мажоритарные меры, чем демократия.

2. СТРОИТЕЛЬНЫЕ БЛОКИ НАШЕГО ПОДХОДА

Теперь мы определили основной фокус нашего исследования: понять, почему одни общества являются демократиями, почему другие общества меняются от недемократических к демократическим и почему отдельные демократии возвращаются к диктатуре. Мы уже упомянули некоторые строительные блоки нашего подхода; пришло время изложить их более систематично.

Первым перекрывающим все здание строительным блоком нашего подхода является то, что он экономический². Используя это понятие, мы не имеем в виду, что индивиды всегда действуют рационально согласно некоторым простым постулатам. Это никоим образом не предполагает также, что в обществе есть только индивиды, а не социальные группы. Вместо этого мы считаем, что индивиды имеют хорошо определенные предпочтения по поводу результатов их действий; например, они предпочитают больший доход меньшему и могут предпочитать мир, безопасность, честность и многие иные вещи. Иногда большие группы индивидов имеют общие интересы или даже действуют коллективно. Однако значимо то, что индивиды *действительно* имеют хорошо определенные предпочтения, которые они понимают. Они оценивают различные возможности выбора, включая демократию против недемократии, согласно оценке их (экономических и социальных) следствий. В таких ситуациях экономический подход говорит о том, что люди часто ведут себя стратегически и что их поведение можно смоделировать как игру. Теория игр — это изучение ситуаций со множеством принимающих решения лиц, стратегически взаимодействующих. Основным положением теории игр является то, что индивиды выбирают между различными стратегиями согласно их последствиям. Наш экономический круг интересов и

² В политической науке такой подход часто называют «рациональный выбор».

наличие важных взаимодействий между различными политическими акторами делают все анализируемые здесь ситуации по своей сути принадлежащими теории игр. Поэтому мы широко используем теорию игр при моделировании предпочтений относительно различных режимов и переходов между этими режимами.

Чтобы увидеть следствия этих допущений, рассмотрим группу индивидов, для которых демократия и недемократия будут иметь одинаковые следствия во всех сферах, за исключением одного — демократия создает больше дохода для них; они естественным образом предпочитают больший доход меньшему. Поэтому мы ожидаем, что эти индивиды предпочтут демократию недемократии. На некотором уровне анализа этот постулат выглядит очень слабым, но на ином уровне мы приобретаем очень много от нашей экономической фокусировки внимания. Что важнее всего, мы получаем право сконцентрироваться на последствиях режимов, а предпочтения по поводу режимов выводятся из их последствий. Такой подход совместим со многими историческими описаниями мотиваций различных акторов. Например, в 1839 г. чартист Дж.Р. Стефенс утверждал:

...Вопрос всеобщего избирательного права... это вопрос вилки и ножа, вопрос хлеба и сыра... под всеобщим избирательным правом я имею в виду, что каждый рабочий человек в стране должен иметь право на хорошее пальто на спине, хорошую шапку на голове, хорошую крышу для укрытия своей семьи, хороший ужин на столе (цит. по: [Briggs, 1959, p. 34]).

Альтернативой было бы просто исходить из того, что одна группа не любит демократию, в то время как другая любит, например, из-за каких-либо идеологических предпочтений или пристрастности [Diamond, 1999]. Действительно, Л. Даймонд утверждает, что

демократия становится по-настоящему стабильной только, когда люди начинают ценить ее не единственно за экономические и социальные показатели, но за внутренне присущие ей политические свойства [Diamond, 1992, p. 455].

Мы не отрицаем того, что такие идеологические предпочтения существуют, но полагаем, что предпочтения индивидов и групп относительно режимов, полученные на основе экономических и социальных следствий этих режимов, более важны. Позже в этой книге мы рассматриваем, как введение идеологических предпочтений влияет на наши результаты, и общая идея в том, что пока они не становятся перевешивающими факторами, они не влияют на наши выводы.

Наш второй строительный блок основан на том, что политика по своей природе конфликтна. Большинство актов выбора относительно

но политических мер создают конфликты по поводу распределения; одна мера выгодна одной группе, тогда как другая — иным. Это ситуация *политического конфликта* — конфликта по поводу мер, которые общество должно принять. Эти группы (например, богатые и бедные) имеют конфликтующие между собой предпочтения относительно мер государственной политики, и каждый акт выбора этих мер порождает *выигравших* и *проигравших*. Например, при высоких налогах богатые — проигравшие, а бедные — выигравшие, в то время как при установлении низких налогов они меняются ролями. При отсутствии такого конфликта, агрегирование предпочтений индивидов, для того чтобы прийти к предпочтениям общества, было бы легким делом; нам просто нужно было бы выбрать ту политику, которая делает жизнь каждого лучше. Значительная часть политической философии существует потому, что мы не живем в столь простом мире, и конфликтные ситуации вездесущи. Каждый раз, когда общество (или правительство) делает какой-то выбор или принимает ту или иную меру, оно неявно становится на сторону одной группы, неявно решает лежащий в основе проблемы политический конфликт тем или иным образом, и неявно или явно порождает выигравших и проигравших.

Хотя экономический подход делает акцент на индивидуальных предпочтениях и мотивациях, многие индивиды часто имеют одни и те же интересы и иногда принимают одни и те же решения. Более того, группы индивидов способны действовать коллективно, если нет проблем коллективного действия или если они могут решить какие-либо из имеющихся задач. В этом случае можно продуктивно рассматривать конфликт и то, кто в конфликте с кем, в категориях групп индивидов. Такими группами могут быть общественные классы, что несколько сходно с марксистскими представлениями об истории и политике, или они могут быть городскими слоями, этническими или религиозными группами, или военными. То, что мы сосредоточиваем внимание на социальных группах как ключевых политических акторах, мотивировано осознанием того, что самыми важными силами в политических конфликтах и изменениях являются группы индивидов.

Оставляя в стороне темы политической философии о том, как справедливое или честное общество должно примирять эти конфликтующие предпочтения, как общество разрешает политический конфликт на практике, поставим этот вопрос еще более конкретно. Преположим, что имеются две меры государственной политики, одна выгодная для граждан, другая — для элит. Какую из них примет общество? Поскольку нет возможности осчастливить две группы одновременно, политический выбор должен отдать предпочтение той или иной группе. Мы можем считать, что то, какой группе будет отдано предпочтение, определяется

тем, какая группа имеет *политическую власть*. Другими словами, политическая власть есть способность группы получать благоприятные ей политические меры вопреки сопротивлению других групп. Поскольку всегда имеется конфликт интересов, мы всегда находимся в сфере политического конфликта. И поскольку мы всегда в сфере политического конфликта, мы всегда в тени политической власти. Чем больше политической власти у группы, тем больше она выигрывает от действий и мер правительства.

Что такое политическая власть? Откуда она берется? Размышляя об ответах на эти вопросы, полезно различать два типа политической власти: *политическая власть де-юре* и *политическая власть де-факто*. Представим себе «естественное состояние» Томаса Гоббса [Hobbes, 1996], где нет закона и человек неотличим от зверя. Гоббс рассматривал такую ситуацию, для того чтобы аргументировать, что такая анархия крайне нежелательна и государство, как некий левиафан, необходимо для монополизации применения силы и насаждения правил среди граждан. Но как устанавливается распределение в гоббсовском естественном состоянии? Если имеется плод, который может съесть один из двух человек, кто его получит?

Ответ ясен: так как нет закона — тот, кто сильнее, у кого больше грубой силы, тот и съест плод. Тот же тип грубой силы значим и на политической арене. Та или иная группа имеет существенную политическую власть, когда у нее есть армия и оружие, чтобы уничтожить другие группы, когда политика проводится не в ее пользу. Поэтому первый источник политической власти это просто то, что группа может сделать другим группам и обществу в целом с применением силы. Мы говорим об этом как о политической власти де-факто. Но (и к счастью) это не единственный тип политической власти. Сегодня ключевые решения в Соединенном королевстве принимаются Лейбористской партией не потому, что она может применять грубую силу или приобрела власть де-факто какими-либо иными средствами, но потому, что политической властью ее наделила политическая система (т.е. ее привело к власти голосование на последних всеобщих выборах). В результате, из политических мер с противоположными последствиями Лейбористская партия может выбирать те, которые более выгодны для ее избирателей или ее лидеров. Мы называем этот тип политической власти, устанавливаемой политическими институтами, политической властью де-юре. Реальная политическая власть есть комбинация де-юре и де-факто политической власти, и то, какой из компонентов более значим, зависит от различных факторов (эту тему мы будем рассматривать позже).

Наконец, мы называем социальные и политические механизмы, распределяющие политическую власть де-юре *политическими институ-*

тами. Например, электоральное правило, наделяющее правом определять финансовую политику партию, получившую 51% голосов, является одним из политических институтов. В рамках нашего исследования важнейшими политическими институтами являются те, которые определяют, кто из индивидов принимает участие в политическом процессе принятия решений (т.е. демократия или недемократия). Поэтому важная роль демократии заключается в том, что она способна распределять политическую власть де-юре. При демократии большинство имеет относительно бóльшую политическую власть де-юре, чем при недемократии. Тогда то, что демократии заботятся об интересах большинства граждан больше, чем недемократии, есть просто следствие большей де-юре политической власти большинства при демократии, чем при недемократии.

3. К НАШЕМУ ОСНОВНОМУ ПОВЕСТВОВАНИЮ

Вооружившись первыми двумя из основных строительных блоков нашего подхода, мы можем начать рассматривать предпочтения по поводу различных режимов. Обычно отношения между элитами и гражданами находятся в состоянии политического конфликта, и демократии лучше заботятся об интересах граждан, чем недемократии. Поэтому естественно думать, что граждане больше предпочитают демократию, чем элиты. Так что в случае конфликта по поводу типов политических институтов, которые должны быть в обществе, большинство граждан будут на стороне демократии, а элиты будут на стороне недемократии. Это хороший отправной пункт.

Мы можем добавить в эту схему эмпирического содержания, допустив, что элиты относительно богаты, а большинство граждан относительно бедно. Действительно, во многих случаях переход от недемократии к демократии сопровождался существенным конфликтом между более бедными слоями общества, которые до этого были исключены и хотели быть включенными в политический процесс принятия решений, и богатой элитой, которая заинтересована в их исключении. Наиболее явным образом так было в Европе XIX в., особенно в Великобритании (как мы видели в главе I), когда первоначально средние и затем трудящиеся классы потребовали прав голоса. Изначально богатая элита противостояла их требованиям, но затем ей пришлось уступить и включить их в политическую систему.

Согласно такой трактовке политических событий в Европе XIX в., Аминзаде описывает появление всеобщего избирательного права для мужчин во Франции следующим образом:

...французские трудящиеся, в основном ремесленники, составляли революционную силу, поставившую у власти Республиканскую партию в фев-

рале 1848 г. ...и давление грядущих классов на улицах Парижа заставило либеральных лидеров республиканцев... неохотно уступить и ввести всеобщее избирательное право для мужчин [Aminzade, 1993, p. 35].

Возможно, еще более впечатляюще то, что ключевые игроки в процессе демократизации видели ее как сражение между богатыми и бедными. Виконт Кранборн, один из ведущих британских консерваторов XIX в., описывал борьбу за реформы как

...битву не партий, но классов, и часть великой политической борьбы нашего века — борьбы между собственностью... и всего лишь численностью (цит. по: [Smith, 1966, p. 27–28]).

Конфликт между бедными и богатыми социальными группами также был определяющей характеристикой в большинстве случаев введения всеобщего избирательного права в Латинской Америке первой половины XX в., включая опыт Аргентины в 1912 г., известный нам по главе I, Уругвая в 1919 г., Колумбии в 1936 г. и Венесуэлы в 1945 г. Приход демократии в Южную Африку и Зимбабве также последовал за конфликтом между богатыми белыми и бедными чернокожими.

Поэтому наш анализ выдвигает на первый план то, что большинство граждан хотят демократических институтов потому, что выигрывают от них и, следовательно, будут бороться за них. Учитывая наше определение политической власти, мы можем сказать, что граждане с большей вероятностью обеспечат переход к демократии, когда у них больше политической власти де-факто. Таким образом, мы уже сконструировали простую теорию демократизации: граждане хотят демократии, а элиты хотят недемократии, и баланс политической власти между этими двумя группами определяет, перейдет ли общество от недемократии к демократии (и, возможно, также и то, станет ли вновь созданная демократия консолидированной или позднее вернется к недемократии).

Все это может рассматриваться как упрощенная версия нашей теории демократизации. Но фактически она настолько упрощена, что некоторые из существенно важных характеристик нашей теории здесь отсутствуют. И самое главное, тривиализирована роль, которую играет демократия или, в более общем плане, политические институты.

Теория говорит о том, что демократия ведет к общественному выбору, более одобряемому большинством граждан; поэтому граждане предпочитают демократию недемократии, и демократия наступает тогда, когда граждане имеют достаточную политическую власть. Однако если граждане имеют достаточную политическую власть, почему бы им не использовать эту власть для того, чтобы просто добиваться решений и политических мер в пользу предпочтительного им общественного вы-

бора, а не бороться сначала за демократию, а затем ждать, когда она обеспечит им эти меры? Не является ли здесь демократия просто не так уж и нужным промежуточным шагом? Могут утверждать и так.

Это только одна черта рассказанной нами пока что простой истории, и она не характерна ни для политических институтов реального мира, ни для нашей теории. На практике политические институты играют намного более фундаментальную роль, чем просто роль промежуточной переменной: они регулируют будущее распределение политической власти между различными социальными группами. Они играют эту роль потому, что мы живем не в статичном мире, подобном описанному выше, но в мире динамичном, где индивиды интересуются не только политическими мерами сегодня, но и политическими мерами завтра. Мы можем представить эту важную роль политических институтов и достичь более удовлетворительного понимания демократии и демократизации, инкорпорируя эти динамические стратегические элементы, что и пытается сделать наша теория демократизации.

4. НАША ТЕОРИЯ ДЕМОКРАТИЗАЦИИ

Рассмотрим простейший динамический мир, который мы можем только представить: есть «сегодня» и «завтра», а элиты и граждан заботит то, каковы политические меры и сегодня, и завтра. Ничто не мешает обществу принять завтра иную меру, чем избранная сегодня. Таким образом, для граждан недостаточно обеспечить политические меры, предпочитаемые ими сегодня; они также хотели бы принятия аналогичных мер завтра. Предположим, мы живем в недемократическом обществе, которое обычно обеспечивает интересы элит. У граждан сегодня имеется политическая власть де-факто, так что они могут получать желаемые меры, но они не уверены, будет ли у них та же политическая власть завтра. Учитывая то, что мы в недемократическом обществе, завтра элиты могут стать более могущественными и напористыми, и граждане могут утратить имеющуюся политическую власть. Могут ли они гарантировать реализацию предпочитаемых ими мер и сегодня, и завтра?

Именно здесь могут стать важными политические институты в сравнении с ранее описанным статическим миром. Институты по своей природе *долговременны*, т.е. сегодняшние институты, вероятно, сохранятся до завтра. Демократическое общество не только то, в котором «один человек — один голос» сегодня, но также и то, от которого ожидают, что оно останется демократическим по крайней мере в ближайшем будущем. Эта долговременность уже имплицитно присутствовала в нашем определении политических институтов как средств распределения политической власти: они регулируют *будущее* распределение политической власти. На-

пример, демократия означает, что завтра будет голосование для определения мер государственной политики или решения вопроса о том, какой партии править, и все население будет участвовать в этом голосовании. Недемократия означает, что значительная часть населения исключается из коллективного процесса принятия решений.

Представим теперь, что граждане не просто используют свою де-факто политическую власть сегодня для получения предпочитаемых ими мер сейчас, но также применяют ее для того, чтобы изменить политическую систему от недемократии к демократии. Если это будет сделано, они эффективно увеличат свою политическую власть де-юре в будущем. Вместо недемократии, мы оказываемся в таком случае при демократическом режиме, где имеется всеобщее голосование. Поэтому, с увеличившейся политической властью, граждане также скорее обеспечат предпочитаемые ими меры и завтра.

Теперь мы перешли к обогащенной теории демократизации: переход к демократии, или, в более общем плане, изменение политических институтов, возникает как способ регулирования будущего распределения политической власти. Граждане требуют и, возможно, получают демократию, для того чтобы иметь большее слово в политике и бóльшую политическую власть завтра. Возвращаясь к представлениям чартиста Дж.Р. Стефенса (цит. по: [Briggs, 1959]), можно видеть, что он был прав, требуя всеобщего избирательного права как средства обеспечить «право на хорошее пальто... хорошую шапку... хорошую крышу... (и) хороший ужин» для трудящихся, чем прямо требовать пальто, крышу и ужин. Все это было бы только сегодня, в то время как всеобщее избирательное право может обеспечить их и в будущем.

Обратите внимание на важный имплицитный элемент нашего повествования: *преходящий характер политической власти де-факто*. Предполагается, что граждане имеют политическую власть сегодня, но не уверены, будут ли иметь аналогичную власть завтра. Баланс между элитами и гражданами, или, в более общем плане, между различными социальными группами, не постоянен, не вырезан на камне, не тот сегодня, что будет завтра; он временный. Разумно полагать, что это так в динамичном и изменчивом мире, в котором мы живем. Это будет еще более убедительным, если мы подумаем об источниках политической власти лишенных права голоса граждан при недемократии. Во-первых, попытаемся понять, почему значим *преходящий характер политической власти*. Предположим, что граждане имеют завтра ту же политическую власть, что и сегодня. Для чего им нужна будет помощь политических институтов? Если их политическая власть достаточна для того, чтобы получить предпочитаемые ими меры (даже получить предпочитаемые ими институты) сегодня, то также будет и в будущем, и тогда не будет

нужды менять основные политические институты. Именно преходящий характер политической власти — то, что граждане имеют ее сегодня и, возможно, не будут иметь завтра, — порождает потребность в изменении политических институтов. Граждане хотят не упустить той власти, которую они имеют сегодня, изменив политические институты, а именно, введя демократию и большее представительство для себя, так как без институциональных изменений их сегодняшняя власть вряд ли сохранится.

Так почему же граждане имеют политическую власть при недемократии? Ответ в том, что их власть там — де-факто, а не де-юре. В недемократии элиты монополизировали политическую власть де-юре, но не обязательно политическую власть де-факто. Граждане исключены из политической системы при недемократии, но тем не менее они составляют большинство и могут иногда бросать вызов системе, создавать существенное брожение и беспорядки, или даже представлять серьезную революционную угрозу. Что здесь может остановить большинство населения от того, чтобы взять верх над элитой, составляющей меньшинство, и получить контроль над обществом и его материальными ценностями, даже если у элит есть доступ к лучшему вооружению и солдаты-наемники? В конце концов граждане успешно захватили Париж во время Парижской коммуны, свергли существующий режим в ходе революции 1917 г. в России, уничтожили диктатуру Сомосы в Никарагуа в 1979 г., и во многих других случаях создавали существенное брожение и реальные попытки совершить революцию. Однако реальная угроза со стороны граждан требует присутствия многих маловероятных факторов: массам необходимо решить проблемы коллективного действия, необходимые для самоорганизации³, им надо обрести начальный импульс к превращению своей организации в эффективную силу против режима, в это же время элиты, контролирующие государственный аппарат, должны быть неспособны использовать армию для эффективного подавления восстания. Поэтому разумно считать, что такой вызов системе будет только преходящим: в недемократии, если у граждан есть политическая власть сегодня, скорее всего ее не будет завтра.

Теперь представим, что со стороны граждан имеется действенная угроза революции против недемократии. У них есть политическая власть сегодня для того, чтобы получить то, что хотят, и даже свергнуть систему. Они могут применить свою политическую власть для того, чтобы получить «пальто, крышу и ужин», но почему не использовать ее и для того, чтобы получить больше — те же вещи не только сегодня, но и в

³ То есть индивидов необходимо убедить принять участие в революционной деятельности, несмотря на индивидуальные затраты и коллективные выгоды для них в качестве группы.

будущем? Вот что они получат, если смогут принудить к изменению политических институтов. Общество осуществит переход к демократии и с этого времени меры государственной политики будут определяться по принципу «один человек — один голос», и граждане будут иметь больше политической власти, что позволит им получать желаемые меры, а значит пальто, крышу и ужин в том числе.

На практике, однако, изменения политических институтов не происходят просто потому, что их требуют граждане. Переходы к демократии обычно случаются тогда, когда элита, контролирующая существующий режим, расширяет избирательные права. Для чего ей это делать? В конце концов передача политической власти большинству обычно ведет к социальному выбору, который не может нравиться элите, например, к более высоким налогам и большему перераспределению благ не в ее пользу, т.е. именно к тем результатам, которые она хотела бы предотвратить. Столкнувшись с угрозой революции, разве элита не предпочтет другие виды уступок, даже предоставив гражданам желаемые ими меры государственной политики, вместо того, чтобы отдать свою власть? Для ответа на этот вопрос давайте возвратимся ко времени действительной революционной угрозы. Представим себе, что граждане могут свергнуть систему и готовы сделать это, если не получают некоторых уступок, некоторых мер, выгодных им и увеличивающих их доходы и благополучие.

Первой возможностью выбора для элиты будет дать им то, чего они хотят сегодня: перераспределить доходы и, в более общем плане, принять меры, выгодные для большинства. Но предположим, что сегодняшние уступки недостаточны для того, чтобы убедить граждан не совершать революцию. Что может сделать элита, чтобы предотвратить надвигающуюся революцию, которая, сама по себе, обойдется очень дорого? Да, она может пообещать те же меры и завтра. Пальто, крышу и ужин не только сегодня, но и завтра. Но эти обещания могут быть не *вызывающими доверия*. Изменение политики в сторону, предпочитаемую гражданами, не в непосредственных интересах элиты. Сегодня она делает это для предотвращения революции. Завтра угроза революции может пройти, и тогда зачем делать это снова? Почему она будет сдерживать свои обещания? Нет никаких оснований для этого, и действительно, вряд ли она будет это делать. Поэтому ее обещания не являются с необходимостью вызывающими доверие. Не вызывающие доверия обещания мало чего стоят и неуверенные ими граждане осуществили бы революцию. Элита, если она хочет спасти свою шкуру, должна дать вызывающее доверие обещание принимать те меры, которые предпочитает большинство; в частности, она должна сделать убедительной свою будущую приверженность мерам в пользу большинства. Убедительное обещание означает, что решения по поводу этих мер должны быть не делом элиты,

но отданы в руки тех групп, которые их предпочитают. Или, другими словами, она должна передать политическую власть гражданам. Убедительное обещание, поэтому означает изменение будущего распределения политической власти. Именно это и делает переход к демократии: он перемещает будущую политическую власть от элиты к гражданам, тем самым создавая *убедительную приверженность будущим мерам государственной политики в пользу большинства*. Роль, которую играют политические институты в распределении власти и создании относительно убедительных приверженностей, является третьим ключевым строительным блоком нашего подхода.

Почему, если для граждан привлекательна революция, ее останавливает создание демократии? Вероятно, потому что революция дорогостояща. В ходе революций значительная часть общественного богатства может быть уничтожена, что затратно для граждан, так же как и для элиты. Именно эти затраты позволяют избежать революции с помощью уступок или демократизации, осуществляемой элитой. В реальности не всегда будет так, что демократии достаточно и для большинства, чтобы избежать революции. Например, граждане могут ожидать, что даже при всеобщем избирательном праве элита сможет манипулировать политическими партиями или подкупать их или, возможно, будет использовать контроль над экономикой для ограничения возможностей демократии осуществлять те или иные меры. При таких обстоятельствах, предвидя, что демократия не принесет ничего достаточно ощутимого, граждане могут восстать. Однако для того чтобы ограничить масштаб нашего анализа, обычно мы концентрируем внимание на ситуациях, когда создание демократии позволяет избежать революции. Как представляется, в истории это было типичным и означает, что мы не будем углубляться в теории революции или моделирование постреволюционных обществ.

Теперь у нас есть базовая теория демократизации. В недемократии элиты имеют политическую власть де-юре и, если их ничто не ограничивает, обычно выбирают политические меры, которым более всего отдают предпочтение (например, низкие налоги и никакого перераспределения в пользу бедных). Однако граждане иногда бросают вызов недемократии, и могут представлять революционную угрозу, когда временно обладают политической властью де-факто. Что критически важно, такая политическая власть преходяща; она есть у них сегодня и вряд ли будет завтра. Они могут использовать эту власть, чтобы предпринять революцию и изменить систему к своей выгоде, принеся большие потери элитам, но также и существенный побочный ущерб и потери для общества. Элиты хотели бы предотвратить такой исход и могут сделать это, обеспечив убедительность своей приверженности политике в пользу большинства в будущем. Однако обещания таких мер в рамках суще-

ствующей политической системы часто неубедительны. Чтобы сделать их убедительными, необходимо передать формальную политическую власть большинству. Это то, чего и достигает демократизация.

Этот сюжет о демократизации как приверженности элит будущим мерам государственной политики в пользу большинства перед лицом революционной угрозы и, что, возможно, более важно, приверженности, ставшей убедительной в силу изменения будущего распределения политической власти, согласуется со многими историческими свидетельствами. Как это было проиллюстрировано на примере британской, аргентинской и южноафриканской политических историй в главе I, большинство переходов к демократии в Европе XIX и XX вв. и Латинской Америке XX в. осуществлялись на фоне значительных общественных волнений и революционных угроз. Вдобавок к этому, создание демократических обществ в большинстве бывших европейских колоний в 1950-е и 1960-е годы было результатом давления со стороны лишенных избирательных прав и относительно бедных жителей колоний на колониальные власти. Такие угрозы волнений и общественных беспорядков аналогичным образом сопровождали недавнюю волну демократизации в Африке [Bratton, van de Walle, 1997] и Восточной Европе [Bunce, 2003]. Прочитируем классический европейский пример. Представляя свою избирательную реформу британскому парламенту в 1831 г., премьер-министр граф Грей хорошо осознавал, что она есть мера, необходимая для предотвращения вероятной революции. Он утверждал:

...Нет никого, более решительно настроенного против ежегодных парламентов, всеобщего избирательного права и голосования, чем я. Моя цель — не благоприятствовать, но положить конец таким надеждам и проектам... Принцип моей реформы — предотвратить необходимость революции... реформировать для того, чтобы сохранять, а не свергать (цит. по: [Evans, 1996, p. 223]).

Вывод Ланга отражает это же:

...Виги знали о поддержке билля среди трудового народа. ...Однако они были также решительно настроены не позволять трудящимся классам занять какую-либо господствующую позицию в рамках новой избирательной системы. Принятие билля поэтому спасало страну от восстаний и бунтов; содержание билля спасало страну от «зол» демократии. Нет необходимости говорить о том, что разочарование среди трудящихся классов, вероятно, будет значительным, когда они осознают, как мало получили от билля; но к тому времени они потеряют своих союзников из среднего класса, завоеванных системой с помощью билля, и будут бессильными что-либо сделать [Lang, 1999, p. 38–39].

Те же самые соображения были решающим фактором для позднейших реформ. Например:

...Как и с первым Актом о реформе, *угроза* насилия рассматривалась как важный фактор в ускорении принятия [Акта о реформе 1867 г.]; история повторялась [Lee, 1994, p. 142].

Сходным образом угроза революции была движущей силой демократизации во Франции, Германии и Швеции. Например, Т. Тилтон так описывает процесс, приведший к принятию всеобщего избирательного права для мужчин в Швеции:

...Ни один из (двух первых актов о реформе) не был принят без сильного давления со стороны народа; в 1866 г. толпы собрались вокруг парламента, когда проходило окончательное голосование, и реформа 1909 г. была стимулирована широким движением за право голоса [и] забастовкой как демонстрацией силы... Шведская демократия восторжествовала без революции, но не без *угрозы* революции [Tilton, 1974, p. 567–568].

Угроза революции и общественных волнений играла такую же важную роль во введении избирательных прав для населения в Латинской Америке. Мы видели в главе I как в Аргентине всеобщее право голоса для мужчин было эффективно институционализировано президентом Роке Саенз Пеньей, когда было введено тайное голосование и запрещены махинации на выборах. Движение к полной демократии влекли за собой общественные волнения, вызванные Радикальной партией и быстрой радикализацией городских рабочих. В Колумбии принятие всеобщего избирательного права во время правления президента-либерала Альфонсо Лопес Пумарехо в 1936 г. вдохновлялось тем же; ведущий специалист по истории Колумбии Дэвид Бушнелл описывает это следующим образом:

...Лопес... был богатым человеком... однако он хорошо осознавал, что Колумбия не может до бесконечности игнорировать нужды и проблемы тех, кого он однажды описал как «тот обширный и несчастный класс, который не читает, не пишет, не одевается, не обувается, живет впроголодь, который остается... на обочине [жизни нации]». По его мнению, такое пренебрежение было не только порочным, но и опасным, потому что массы могли рано или поздно потребовать большей доли жизненных благ [Bushnell, 1993, p. 185].

Сходным образом восстановление демократии в Венесуэле в 1958 г. было ответом на мощные восстания и беспорядки. Описывая эту ситуацию, Г. Колб отмечал:

...По своему драматическому накалу и насилию со стороны народа события 21 и 22 января в Каракасе были подлинно народной революцией венесуэльских граждан... вооруженных камнями, дубинами, самодельными гранатами и коктейлем Молотова, против жестоких и хорошо тренированных полицейских сил [Kolb, 1974, p. 175].

Таким образом, эти свидетельства согласуются с идеей о том, что большинство шагов в сторону демократии происходят на фоне серьезных общественных конфликтов и возможной угрозы революции. Демократия обычно не даруется элитой потому, что изменились ее ценности. Ее требуют лишенные права голоса как способ получить политическую власть и тем самым гарантировать большую долю экономических благ в рамках системы.

Почему создание демократии обеспечивает приверженность обязательствам, когда мы знаем, что демократия после своего установления часто терпит крах? Это происходит потому, что, хотя иногда и происходят перевороты, свержение демократии дорогостояще и институты, будучи однажды созданными, имеют тенденцию сохраняться. Это так в основном потому, что люди сделали особого рода инвестиции в них. Например, после создания демократии формируются политические партии и возникают многие организации, такие как профсоюзы, для того чтобы воспользоваться преимуществами новой политической ситуации. Вложения всех этих организаций будут потеряны в случае свержения демократии, что дает гражданам стимул бороться за ее сохранение. Более того, после создания демократии большинство может иметь больший контроль над военными, чем при недемократическом режиме, что меняет фундаментальный баланс власти де-факто.

И наконец, для элиты, стоящей перед угрозой революции граждан, речь идет не просто о балансе между уступками в государственной политике и демократизацией. Другой альтернативой может быть применение силы и репрессий. Например, южноафриканский белый режим отвергал призывы к демократии и сохранялся у власти десятилетиями, используя силу для подавления демонстраций и оппозиции. Сходным образом аргентинские военные режимы в 1960-е и 1970-е годы уничтожили тысячи людей, чтобы избежать восстановления демократии; это же было характерно для многих иных латиноамериканских стран, включая Гватемалу и Сальвадор. В Азии недемократические режимы Китая и Бирмы применяют силу, чтобы блокировать демократические требования. Это также было верно и для восточноевропейских стран в период господства Советского Союза — например, в Венгрии в 1956 г. и Чехословакии в 1968 г. Ясно, почему репрессии привлекательны для элит — они позволяют им сохранять власть без каких-либо уступок лишенным

права голоса. Тем не менее репрессии и затраты, и рискованны для элит. Они ведут к потерям жизней и разрушению активов и материальных благ и — в зависимости от характера международного общественного мнения — могут вести к санкциям и международной изоляции, как это и случилось в Южной Африке в 1980-е годы. Более того, репрессии могут оказаться безуспешными, что вызовет революцию — наихудший из возможных результатов для элит. Вывод из этих соображений состоит в том, что только при некоторых обстоятельствах репрессии будут привлекательным выбором. Введя это положение в наш анализ, мы видим, что демократия возникает тогда, когда уступки не вызывают доверия, а репрессии непривлекательны, потому что слишком дорогостоящи.

5. ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ КОНСОЛИДАЦИЯ

Теория демократизации недостаточна для понимания того, почему некоторые страны являются демократическими, в то время как другими правят диктатуры. Многие страны становятся демократиями, но в конце концов возвращаются к недемократическому режиму вследствие военного переворота. Это особенно характерно для Латинской Америки. Как мы видели в главе I, Аргентина является ярким примером нестабильности латиноамериканской демократии. Сходным образом путь к демократии был омрачен поворотами к диктатуре в Бразилии, Чили, Гватемале, Перу, Венесуэле и Уругвае. Почему демократии так трудно консолидироваться в значительной части Латинской Америки?

Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо разработать теорию переворотов или, напротив, теорию демократической консолидации. Что такое консолидированная демократия? Демократия консолидирована, если характеризующий ее комплекс институтов сохраняется во времени. Наша теория демократической консолидации и переворотов строится на различном отношении элит и граждан к демократии. Повторим опять, что граждане более продемократически настроены, чем элиты (потому что демократия более выгодна гражданам, чем недемократия). Следовательно, в ситуации, когда военные на стороне элиты и имеют место существенные волнения, военные могут захватить власть, элиты должны поддержать или организовать переворот, чтобы изменить баланс власти в обществе.

Причина того, что элиты могут пожелать изменить политические институты от демократии к недемократии аналогична тому, почему граждане хотят демократизации. Элиты заботит изменение политики в свою пользу, а политическая турбулентность и параллелизм их интересов и интересов военных дают возможность это осуществить. Однако при этом актуализируется проблема преходящего характера политической власти де-факто. У них будет эта возможность сегодня, но не обя-

зательно завтра. Любое обещание граждан ограничить мажоритарный характер политики в будущем не вызывает доверия в контексте демократической политики. Завтра угроза переворота может исчезнуть и демократическая политика снова станет отвечать нуждам большинства, выбирая желаемые им меры и уже не беспокоясь о том, что элита может подорвать власть демократов с помощью переворота. Однако именно это в первую очередь делает демократию столь дорогостоящей для элиты. Чтобы изменить будущие меры государственной политики убедительным образом, элитам нужна политическая власть. Переворот — это их способ усиления политической власти де-юре с тем, чтобы осуществлять желаемые меры. Другими словами, переворот позволяет элитам обратить их преходящую политическую власть де-факто в более прочную политическую власть де-юре, изменив политические институты.

Еще одной, связанной с этим причиной переворота может быть то, что, в разгар политической и социальной турбулентности военные и элитарные сегменты общества могут быть обеспокоены (возможно, правильно) будущей устойчивостью демократии и даже самой капиталистической системы и захотят предотвратить возможность еще большего сдвига влево или даже революции.

6. ДЕТЕРМИНАНТЫ ДЕМОКРАТИИ

Теперь, когда у нас есть теория демократизации, можно спросить, какие факторы делают возникновение и консолидацию демократии более вероятными. На данный момент мы показали, как наша теория может объяснить переходы от недемократии к демократии и, возможно, обратно к недемократии. Однако так же важна *сравнительная статика* этого равновесия, т.е. как равновесие меняется, когда меняются некоторые лежащие в основе его факторы. Эта сравнительная статика позволяет объяснить, почему некоторые страны переходят к демократии, в то время как другие — нет, и почему некоторые страны остаются демократическими, в то время как в других демократия терпит крах. Такая сравнительная статика может направлять эмпирические и исторические исследования в понимании явления демократии.

6.1. Гражданское общество

6.1.1. Демократизация

Наша концептуальная структура предполагает, что достаточно действенная угроза революции со стороны граждан важна для демократизации. Когда граждане плохо организованы, системе не будет брошен вызов и

переход к демократии будет откладываться до бесконечности. Сходным образом, когда гражданское общество относительно развито и большинство организовано, репрессии будут более трудноосуществимы. Поэтому некоторая степень развития гражданского общества также необходима для демократизации. В этой книге мы принимаем такой уровень развития как данность, и он убедительным образом представляет результат долгосрочных исторических процессов (см., например: [Putnam, 1993]).

6.1.2. Консолидация

Природа и сила гражданского общества так же важны для консолидации демократии, как и для ее создания. Хорошо организованное гражданское общество необходимо не только для толчка к демократии, но и для ее защиты. Когда гражданское общество лучше организовано, переворотам легче противостоять, их дороже предпринимать и у них меньше шансов на успех. Поэтому демократия с большей вероятностью станет консолидированной.

6.2. Потрясения и кризисы

6.2.1. Демократизация

В нашей теории процесс демократизации связан с преходящим характером политической власти де-факто. В некоторых ситуациях проблемы коллективного действия легче решаемы, противникам режима легче скоординироваться и легче и дешевле осуществить революции. Это обычно времена кризиса, например, неурожая, экономических депрессий, международных финансовых и долговых кризисов и даже войн. Такие кризисы и макроэкономические шоки по своей природе преходящи и ведут к кратковременным флуктуациям политической власти де-факто. Поэтому наша теория предсказывает, что запуск процесса демократизации более вероятен в условиях экономического или политического кризиса. Явным примером этого является демократизация в Аргентине после войны за Фолклендские (Мальвинские) острова в 1983 г.

6.2.2. Консолидация

Как противники диктатуры могут обрести временную власть де-факто во время политических или экономических кризисов, так и противники демократии могут достичь того же. Наш анализ предполагает, что в кризисных ситуациях более вероятны как демократизации, так и перевороты. Это можно проиллюстрировать примером с переворотом против Альенде в Чили в 1973 г., произошедшим во время первого большого роста цен на нефть и масштабной экономической депрессии.

6.3. Источники дохода и структура материальных благ

6.3.1. Демократизация

Другой важной детерминантой баланса между демократией и репрессиями является источник доходов элит. В некоторых обществах элиты масштабно инвестируют в землю, в то время как в других — в физический и человеческий капитал. Вероятны три важных различия в отношении землевладельцев и обладателей (физического и человеческого) капитала к демократии и недемократии. Во-первых, землю легче облагать налогом, чем физический и человеческий капитал. Поэтому землевладельцы имеют больше оснований опасаться демократии, чем недемократии, что делает их более нерасположенными к демократии. Во-вторых, социальная и политическая турбулентности могут быть более вредоносными для владельцев физического и человеческого капитала, которые должны полагаться на сотрудничество на рабочем месте и в ходе торговли, что делает землевладельцев более готовыми использовать силу для сохранения желанного для них режима. В-третьих, в экономике с преобладанием аграрной сферы возможны различные комплексы экономических институтов, что влияет на относительную интенсивность предпочтений элит и граждан в пользу различных режимов. Например, институты принудительного труда, такие как рабство, относительно более эффективны в сельском хозяйстве, чем в промышленности [Eltis, 2000]. Из этого следует, что демократия хуже для элит, потому что приносимые ею изменения в коллективном выборе подрывают желанный для них набор экономических институтов. Из всех трех соображений вытекает, что демократизация вероятнее в более индустриализированном обществе, где элиты обладают существенным физическим и человеческим капиталом, чем в более агрокультурном обществе, где элиты в основном инвестируют в землю. Иначе говоря, демократия более вероятна, когда элиту составляют промышленники, а не землевладельцы.

Хотя природа революций не в центре внимания настоящей книги, из этих идей вытекают интересные следствия для понимания актуализации революций. Например, они могут объяснить, почему большинство революций, например, в России, Мексике, Китае, Вьетнаме, Боливии и Никарагуа, произошли в преимущественно аграрных обществах. Это так потому, считаем мы, что земельные элиты предпочитают репрессии, а не уступки, и когда репрессии терпят крах, случаются революции. В более урбанизированных и индустриализированных обществах, где элиты инвестируют в капитал, предпочитают уступки и революции наблюдаются реже.

6.3.2. Консолидация

Источники дохода элит также влияют на решение о том, предпринять ли переворот. Если элиты масштабно вкладываются в землю, перевороты могут оказываться менее дорогостоящими. Кроме того, демократия относительно менее предпочтительна для членов таких элит, так как земля может подвергнуться при ней более высокому налогообложению, чем капитал, и экономические институты при демократии далеки от тех, которым отдают предпочтение эти элиты. Напротив, когда богатство элит концентрируется в основном в форме физического и человеческого капитала, перевороты для них дороже, а демократия угрожает не критически. В результате демократия с меньшей вероятностью консолидируется, когда элиты — землевладельцы, чем когда они капиталисты.

6.4. Политические институты

6.4.1. Демократизация

Наша концептуальная структура также предполагает, что тип демократических политических институтов может играть критическую роль в объяснении, почему одни общества демократизируются, а другие нет. В частности, когда элиты могут применять репрессии, чтобы избежать демократизации, они делают это, так как ожидают, что демократия нанесет ущерб их интересам. Пока что наша характеристика демократии как правления большинства была чрезмерно стилизованной, чтобы представить основные элементы нашего анализа. В реальности голос одного человека может стоять больше, чем голос другого, особенно элиты могут оказывать большее или меньшее влияние на то, что происходит при демократии — пусть даже их влияние при этом относительно меньше, чем при диктатуре.

Один из способов влияния элит — проектирование политических институтов. В своей книге 1913 г. «An Economic Interpretation of the US Constitution» (Экономическая интерпретация конституции США) Ч. Бирд доказывал, что текст конституции был написан богатыми собственниками, следящими за сохранением ценности своего имущества (в том числе, как следует добавить, и рабов) перед лицом вероятного давления со стороны радикальных демократических элементов⁴. Бирд утверждал:

⁴ Хотя многие детали аргументации Бирда сейчас оспариваются, общее направление его аргументации принимается многими исследователями. Например, Г. Вуд [Wood, 1969, p. 626] отмечает в своей классической работе, что конституция «была по своей сути аристократическим документом, разработанным для того, чтобы сдерживать демократические тенденции того периода». См. частично поддерживающие это мнение статистические данные [McGuire, 1988].

...Так как первичной целью власти, кроме просто подавления физических беспорядков, является создание правил, определяющих общественные отношения собственности, господствующие классы, чьи права должны так определяться, с необходимостью должны получить от власти такие правила, которые созвучны со значительными интересами, нужными для продолжения их экономических процессов, или они должны сами контролировать органы власти. При стабильном деспотизме имеет место первое; при любой другой системе правления, где в политической власти принимает участие какая-либо доля населения, методы и природа этого контроля становятся проблемой первостепенной важности — фактически, фундаментальной проблемой конституционного права. Социальная структура, с помощью которой один тип законодательства обеспечивается, а другой предотвращается, — это вторичная, или производная черта, вырастающая из природы экономических групп, стремящихся к позитивным действиям и негативным ограничениям [Beard, 1913, p. 13].

Даже сама идея представительной демократии, в противоположность прямой или демократии участия, может рассматриваться как попытка ослабить давление популизма и подорвать власть большинства (см.: [Manin, 1997]).

Итак, ясно, что демократические политические институты могут быть структурированы так, чтобы ограничивать власть большинства. Более близким к нам по времени примером является конституция, разработанная во время диктатуры Пиночета в Чили, которая стремилась минимизировать угрозу социализма в стране путем систематической нечестной нарезки избирательных округов и заниженного представительства городов, другими способами пыталась закрепить право вето военных на процесс демократического принятия решений [Londregan, 2000; Siavelis, 2000].

Другим примером, рассмотренным в главе I, был способ написания южноафриканской конституции при попытке защитить интересы белых в условиях демократии.

Если недемократический режим или элита могут спроектировать институты демократии или манипулировать ими так, чтобы гарантировать непринятие радикальных мер в пользу большинства, то демократия становится менее угрожающей интересам элит. Чувствуя меньшую угрозу, элиты с большей готовностью относятся к самому установлению демократии. К примеру, когда демократия не столь угрожающа, менее привлекательно применение репрессий, чтобы избежать ее. Таким образом, конституция Пиночета, в рамках нашей модели, облегчила демократизацию в Чили. Может быть даже так (как это было в Южной Африке), что большинство граждан сами готовы ограничить свои возможности

в выборе мер государственной политики, чтобы облегчить переход к демократии. Как об этом говорится в главе VI, АНК осознавал, что необходимо сделать уступки белым относительно структуры демократических институтов. Для АНК это было лучше, чем продолжение борьбы с режимом апартеида. Предоставление элите убедительных гарантий облегчает процесс демократизации, который в ином случае мог бы и не состояться.

6.4.2. Консолидация

Структура демократических институтов не только влияет на саму демократизацию, но и помогает определить, консолидируется ли демократия. В частности, институты, ограничивающие при демократии политические меры в пользу большинства, вероятно, помогут консолидации. На самом деле, элиты могут быть весьма влиятельными при демократии, поскольку они контролируют могущественную верхнюю палату парламента, как прусские юнкера в Германии XIX в., или британская аристократия в Палате лордов, или поскольку они контролируют партийную систему. Зная, что при демократии они смогут застраховаться от чрезмерно мажоритарных мер, элиты будут меньше стремиться к антидемократическим действиям.

Интересный пример в этом контексте — связи между элитой и обеими традиционными правящими партиями в Колумбии. На протяжении XX в. Либеральной и Консервативной партиям удавалось успешно предотвращать вход на политическую арену левых партий, манипулируя электоральными институтами, особенно формами пропорционального представительства. В отсутствие левой партии вопросы масштабного перераспределения не входили в политическую повестку дня в Колумбии. Интересен факт — Колумбия является одной из наиболее консолидированных демократий в Латинской Америке, хотя часто раздаются сетования о том, что система не представляет интересов большинства.

Другим примером связи между политическими институтами и демократической консолидацией является утверждение, что президентские демократии, вероятно, более нестабильны, чем парламентские, и более подвержены переворотам [Linz, 1978; 1994]. Эта идея имеет смысл в рамках нашей модели, поскольку в легислатуре сдержки и противовесы, а также лоббирование могут позволить элитам блокировать предложения радикальных мер, а прямо избираемый президент с большей вероятностью будет представлять предпочтения большинства и, следовательно, будет большим популистом. Поэтому президентские системы могут больше угрожать интересам элит и тем самым провоцировать больше переворотов.

Парадоксальным образом такое видение может также объяснить, почему консолидация демократии в Чили смогла проходить гладко после систе-

матической нечестной нарезки избирательных округов, осуществлявшейся в избирательном законодательстве генерала Пиночета. Такая манипуляция давала недостаточное представительство городам в пользу более консервативных сельских местностей, тем самым уменьшая политическое могущество левых. Следствием была менее редистрибутивная, но более стабильная демократия. Турция и Таиланд представляют другие примеры того, как конституции, написанные военными или по их заказу, вероятно, помогли демократической консолидации. Хаггард и Кауфман отмечают:

...По иронии истории, бóльшая безопасность для вооруженных сил в первые годы транзита, вероятно, *уменьшила* угрозу для гражданских властей в Чили, Турции и Корее [Haggard, Kaufman, 1995, p. 110].

Однако в то время как усиление власти элит при демократии может способствовать ее укреплению, наделение их слишком большой властью может подорвать демократию. В рамках нашей концептуальной структуры демократия возникает из конфликта между элитами и лишенными права голоса группами большинства, готовыми принять демократию, а не что-либо более радикальное, потому что она дает им больше политической власти, чем недемократия. Если элиты при демократии имеют слишком много власти, демократия мало чем улучшит благополучие большинства. В этом случае демократия не является решением социального конфликта, и результатом будет либо революция, либо сохранение элиты у власти при помощи репрессий.

6.5. Роль межгруппового неравенства

6.5.1. Демократизация

Наша концептуальная структура дает прогнозы относительно влияния *межгруппового неравенства* — неравенства между группами — на установление и консолидацию демократии. Для удобства мы будем кратко именовать это неравенством, имея в виду межгрупповое неравенство. Однако эти предсказания относительно межгруппового неравенства могут не переходить в утверждения о стандарте измерения неравенства и распределения доходов (например, доля труда, или коэффициент Джини). Это особенно верно, когда политический конфликт проходит не между бедными и богатыми, но по другим разделительным линиям, допустим, между этническими или религиозными группами.

При прочих равных условиях межгрупповое неравенство делает революцию более привлекательной для граждан: благодаря революции они получают шанс на участие во всех доходах экономики (минус то, что уничтожено в ходе революции), в то время как при недемократии им до-

стается только небольшая доля этих ресурсов. Поскольку эффективная угроза революции это та искра, которая разжигает процесс демократизации, большее межгрупповое неравенство должно ассоциироваться с большей вероятностью демократизации.

Есть также и другая причина того, почему межгрупповое неравенство может способствовать демократизации. Вспомним, что демократизация происходит как убедительная приверженность будущему перераспределению, когда обещаний перераспределения недостаточно для того, чтобы предотвратить угрозу революции. Чем сильнее угроза революции, тем более вероятно, что таких обещаний будет недостаточно и что элита будет вынуждена создать демократию. Поскольку большее межгрупповое неравенство способствует усилению угрозы революции, оно делает демократизацию более вероятной и в этом случае.

Такое рассмотрение роли межгруппового неравенства является, однако, односторонним. Оно выдвигает на первый план то, как большее неравенство усиливает угрозу революции и тем самым требования демократии со стороны граждан. Однако межгрупповое неравенство может также влиять и на ту антипатию, которую элиты испытывают к демократии. Чтобы убедиться, почему это так, рассмотрим стандартную модель редистрибутивного налогообложения (см.: [Meltzer, Richard, 1981]). Отметим, что при увеличении разрыва между элитами и гражданами (т.е. при возрастании межгруппового неравенства) бремя, возлагаемое на элиты даже при *постоянной ставке налога*, возрастает. Это происходит потому, что с большим неравенством большая доля всех налоговых сборов будет взиматься с элит, которые теперь располагают большей долей ресурсов экономики. Поэтому большее межгрупповое неравенство обычно увеличивает бремя демократии для элит, даже если ставка налога остается постоянной или меняется незначительно. Более того, согласно многим подходам, большее межгрупповое неравенство должно увеличивать ставку налога, способствуя такому эффекту. Если это так, то у нас есть еще одно основание утверждать, что бремя демократии для элит увеличивается. С большим неравенством увеличиваются блага от перераспределения, побуждая граждан предпочесть более высокие уровни налогообложения⁵. Поэтому в целом представляется убедительным, что цена перераспределительного налогообложения и демократической политики для элит и, следовательно, их антипатия к демократии в общем

⁵ Как это будет рассматриваться в главе IV, имеются теоретические и эмпирические аргументы, объясняющие, почему взаимосвязь между неравенством и перераспределением может быть более сложной (например, большее неравенство может позволить элитам эффективнее лоббировать против перераспределения при демократии). Тем не менее обычно с большим межгрупповым неравенством демократия налагает большее бремя на элиты, чем недемократия.

и целом должны быть выше в обществе, где разница в доходах между элитами и гражданами больше.

Как это влияет на связь межгруппового неравенства с переходом к демократии? Самым важным следствием здесь является то, что при увеличении неравенства и удорожании демократии для элит становятся более привлекательными репрессии. Следовательно, большее межгрупповое неравенство может также препятствовать демократизации.

Объединив два этих сюжета, мы обнаруживаем, что имеется немонотонная (т.е. в форме перевернутой буквы *U*) зависимость между межгрупповым неравенством и вероятностью перехода к демократии. В обществах с наибольшим равенством революция и общественные беспорядки недостаточно привлекательны для граждан; недемократическим системам либо не бросают вызов, либо любые вызовы могут быть встречены временными мерами, такими как некоторое ограниченное перераспределение. Другими словами, в таких достаточно равных обществах граждане уже получают выгоду от продуктивных ресурсов экономики или даже от процесса экономического роста, так что они не предъявляют дальнейших существенных требований. Вероятно, в этом причина позднего прихода демократии в некоторые эгалитарные и быстро растущие экономики, такие как Южная Корея и Тайвань, и еще неполного ее прихода в Сингапур. Резким контрастом этому является то, что в странах с наибольшим неравенством (например, Южной Африке до 1994 г.) граждане имеют большие основания для недовольства и часто пытаются подняться против власти недемократии. Однако тогда элитам есть много что терять при отказе от системы, заботящейся об их интересах, и переходе к той, которая наложит на них большое бремя редистрибуции. Таким образом, вместо демократии общество с существенным неравенством, вероятно, придет к репрессивной недемократии, и, возможно, если репрессии будут недостаточны, даже переживет революцию. Этот механизм может также объяснить живучесть недемократических режимов в латиноамериканских странах с большим неравенством, таких как Сальвадор или Парагвай. Таким образом, это объяснение говорит о том, что наибольшие шансы для появления демократии у общества со средним уровнем неравенства. В них граждане не удовлетворены полностью существующей системой и элиты не настолько враждебны демократии, чтобы прибегнуть к репрессиям для ее предотвращения. Именно такую ситуацию мы обнаруживаем в Великобритании и Аргентине в конце XIX — начале XX в.

6.5.2. Консолидация

Неравенство также оказывает критически важное влияние на предрасположенность демократии к консолидации. Поскольку основная угроза

со стороны демократии исходит от ее редистрибутивной природы, чем больше перераспределение от элит, тем более вероятно, что они почитают более выгодным для себя осуществить антидемократический переворот. Поэтому большее неравенство, вероятно, дестабилизирует демократию, поскольку, как было замечено выше, бремя демократии увеличивается для элит с усилением разрыва в доходах между ними и гражданами.

Этот результат сравнительной статистики в отношении неравенства предлагает потенциальное объяснение того, почему демократии было сложнее консолидироваться в Латинской Америке, чем в Западной Европе. Латиноамериканские общества значительно более неравные и, следовательно, больше страдают от конфликтов по поводу распределения между элитами и гражданами. Наша концептуальная структура предсказывает, что в обществах с высоким неравенством демократические меры будут высоко редистрибутивными, но затем резко прекратятся после переворота, возвращающего к значительно меньшему перераспределению. Это напоминает то, как многие латиноамериканские страны переходят от высоко редистрибутивной, но нежизнеспособной в долгосрочном плане, популистской политики кратковременных демократий к фискально значительно более консервативному подходу сменяющих их недемократических режимов, и обратно. Впечатляющим образом Кауфман и Сталлингс также подчеркивают связь между неконсолидированной демократией и популистским перераспределением:

...Установившиеся демократии (в нашем исследовании — Венесуэла, Колумбия и Коста-Рика) также ассоциировались с ортодоксальными макроэкономическими мерами. ...Именно переходные демократии (Перу, Аргентина и Бразилия) следовали популистским мерам [Kaufman, Stallings, 1991, p. 27].

Комбинируя воздействия неравенства на демократизацию и перевороты, можно увидеть, что эгалитарные общества сначала никогда не демократизируются. Это позволяет объяснить сингапурский тип политического развития. Более высокие, но все же относительно низкие, уровни межгруппового неравенства ведут общества к демократизации и, будучи однажды установленной, демократия консолидируется, поскольку она не настолько дорогостояща для элит, чтобы сделать желательным переворот. Это может подтвердить путь политического развития Великобритании. Еще более высокие уровни неравенства по-прежнему ведут к демократизации, но демократия не консолидируется, поскольку перевороты остаются привлекательным выбором. Результатом этого становится неконсолидированная демократия — путь, которым следовала Аргентина в XX в. И наконец, при высочайших уровнях неравенства

демократия настолько угрожает элитам, что они применяют репрессии, чтобы избежать ее — ситуация, характерная для Южной Африки до 1994 г.

6.6. Средний класс

6.6.1. Демократизация

Возможно, самым известным трудом о происхождении демократии является «Social Origins of Dictatorship and Democracy» (Социальные истоки диктатуры и демократии) Б. Мура [Moore, 1966]. В нашей работе мы в естественном интеллектуальном долгу перед Муром, особенно потому, что перефразировали его заглавие. В нашей теории основным фактором, отличающим демократию от недемократии, является большее политическое равенство демократий; до настоящего времени мы различали только две группы: элиты и граждане. Это было сделано в основном для упрощения (опять же применение «бритвы Оккама»). Тем не менее во многих обстоятельствах может играть значимую роль третья группа между элитой и массами. В целом, эту группу можно определить различными способами, но, следуя мнению многих исследователей, придававших ей особое значение, полезно считать эту группу средним классом, выступающим в качестве особого политического актора. При введении среднего класса в нашу модель мы получаем ряд интересных результатов, некоторые из них оправдывают то значение, которое Мур и другие авторы придавали среднему классу.

При возникновении демократии средний класс может прежде всего играть роль ведущей силы этого процесса. Припомним, что в рамках нашей концептуальной структуры демократия возникает в ответ на серьезную угрозу революции или существенных волнений. Средний класс может быть ведущей силой этого процесса, играя ключевую роль в революционном движении или разжигая и поддерживая его. Почти все революционные движения возглавлялись деятелями из среднего класса. Что еще существеннее, несколько важнейших вызовов существующему режиму, например, восстаний, способствовавших принятию первого Акта о реформе в Великобритании, Парижской коммуны во Франции или мятежей Радикальной партии в Аргентине были в значительной степени движениями среднего класса (о решающей роли среднего класса в становлении современных демократий см.: [O'Donnell, Schmitter, 1986, p. 50–52]). Следовательно, средний класс — в силу более благоприятного экономического положения и большей образованности его членов — может быть критически важным катализатором в процессе движения к демократии. Это также может объяснить, почему многие из ранних

сдвигов к демократии в Европе были только частичными. Если средний класс является ключевым актором, для элит может оказаться достаточным кооптировать средний класс, а не идти на уступки в виде всеобъемлющей демократии всем тем, кто исключен из политической системы. Получающаяся в результате картина напоминает постепенное движение к демократии в значительной части Западной Европы: сначала в политический процесс включается средний класс и затем избирательные права распространяются на массу граждан.

Возможно, еще более важна роль среднего класса как буфера в конфликте элит и граждан. Вспомним, что когда элиты ожидают, что демократия будет принимать крайне неблагоприятные для них меры, они предпочитают демократизации репрессии. Наличие большого и относительно богатого среднего класса гарантирует его важную роль в демократической политике и, поскольку он более преуспевающий, чем основная масса граждан, то обычно будет поддерживать меры намного более близкие к тем, какие предпочитают элиты. Поэтому, ограничивая размах изменений в мерах государственной политики при демократии, многочисленный и богатый средний класс может действовать как буфер между элитами и гражданами при демократии. Он осуществляет это, одновременно делая демократию более привлекательной для элит, чем репрессии, и достаточно изменяя меры государственной политики для того, чтобы граждане были удовлетворены и не восставали.

Роль среднего класса в переходе к демократии может помочь понять контраст между политической историей Коста-Рики и Колумбии, с одной стороны, и Гватемалы, Сальвадора и Никарагуа — с другой. Несмотря на значительное сходство колониальной истории и экономических структур, у этих пяти стран совершенно различные политические траектории [Paige, 1997; Nugent, Robinson, 2002]. Коста-Рика и Колумбия стали стабильными, хотя и ограниченными демократиями с середины XIX в. и успешно осуществили переход к действительно всеобщему избирательному праву в 1948 и 1936 гг. соответственно. Тогда как в Гватемале, Сальвадоре и Никарагуа в то же время господствовали диктаторы, и первые шаги к демократии — например, в Сальвадоре в конце 1920-х годов и Гватемале между 1945 и 1954 гг., — были подавлены с помощью переворотов и репрессий. Эти три общества осуществили переход к демократии очень поздно. Важным различием между этими странами является то, что в Коста-Рике и Колумбии (но не в остальных трех странах), имеется относительно большой и богатый средний класс, особенно мелкие собственники — производители кофе. Возможно, вследствие этого демократическая политика, после ее установления в Гватемале, Сальвадоре и Никарагуа, оказалась там намного более подвержена конфликтам, чем в Коста-Рике и Колумбии.

6.6.2. Консолидация

Средний класс может играть важную роль в консолидировании демократии, ограничивая перераспределение. Общество с большим и богатым средним классом будет осуществлять только ограниченное перераспределение от элит к гражданам и, следовательно, создавать намного меньшую угрозу интересам элит. Это может быть полезным для понимания того, почему многие западноевропейские и некоторые латиноамериканские общества, такие как Коста-Рика и Колумбия с их сравнительно большим средним классом, также получили сравнительно стабильную демократию, тогда как Сальвадор и Гватемала, где нет такого буфера в лице среднего класса, столкнулись с трудностями в ходе демократической консолидации.

6.7. Глобализация

Несомненно то, что сегодня экономические связи между странами намного сильнее, чем 40 лет назад. Сегодня страны более тесно связаны на международном уровне через такие организации, как Европейский Союз, НАФТА, МЕРКОСУР и АСЕАН; в намного большем объеме происходит обмен товарами и услугами и намного значительно международные финансовые трансакции. Влияют ли эти крупные экономические и политические изменения на условия возникновения и консолидации демократии?

6.7.1. Демократизация

Глобализация может способствовать демократизации несколькими путями. Во-первых, международная финансовая интеграция означает, что обладателям капитала, элитам, может быть легче выводить денежные средства из данной страны. Это затрудняет налогообложение элит и уменьшает возможности демократии вести популистскую и крайне мажоритарную политику. Таким образом, международная финансовая интеграция дает элитам чувство большей безопасности относительно демократической политики и отвращает их от применения репрессий для предотвращения перехода от недемократии к демократии.

Во-вторых, международная торговля влияет на цены факторов производства и этим путем меняет политику перераспределения. Страны различаются по обладанию теми или иными факторами, и относительное изобилие факторов производства определяет характер специализации и влияние торговли на соотношение цен. Одним из следствий роста международной торговли является увеличение вознаграждений для относительно изобильного фактора в каждой стране. В случае с менее раз-

витыми нациями — сегодня обычно по-прежнему недемократическими и, следовательно, главными кандидатами на демократизацию — это означает увеличение вознаграждения за труд. Интуитивно понятно, что до прихода существенных торговых потоков, менее развитые страны обладали избытком труда и нехваткой капитала, что понижало вознаграждение за труд и увеличивало его для капитала. Открытие торговли сдвинет размеры вознаграждения к тем, что преобладают в остальном мире, тем самым увеличивая оплату труда и потенциально сокращая прибыль на капитал. Поэтому открытие торговли уменьшит разрыв между доходами труда и капитала, таким образом меняя масштабы неравенства между обладателями капитала и труда.

Конкретные следствия нашей модели зависят от трех вещей: 1) характера относительного изобилия факторов производства; 2) природы политических идентичностей и 3) есть ли в стране зависимость в виде перевернутой U между межгрупповым неравенством и демократизацией. Представим себе, что недемократические страны изобилуют трудом, политический конфликт проходит между богатыми элитами (владельцами капитала) и бедными гражданами (обладателями труда), а неравенство достаточно высоко, так что элиты применяют репрессии, чтобы остаться у власти. В этом случае увеличившаяся интеграция в торговле сократит степень неравенства между элитами и гражданами и сделает демократию менее редистрибутивной. Тогда демократия станет менее угрожающей для элит, и поэтому они будут менее склонны применять репрессии, чтобы ее избежать. В таких обстоятельствах глобализация способствует демократии. Тем не менее наша концептуальная структура не предполагает, что влияние глобализации на цену факторов производства всегда способствует демократии. Продолжим постулировать, что конфликт проходит между богатыми и бедными и имеет место зависимость в виде перевернутой U , при которой богатые могут применить репрессии, чтобы остаться у власти. Теперь рассмотрим латиноамериканские страны, такие как Аргентина, Бразилия и Уругвай в конце XIX в. Эти страны изобиловали землей и элиты в них владели большим количеством земли. Как и предсказывала теория международной торговли, глобализация, предшествовавшая Первой мировой войне, привела к большому росту доходов от земли [O'Rourke, Williamson, 1999]. В рамках нашей концептуальной структуры это увеличивает межгрупповое неравенство и делает менее вероятным, что элиты пойдут на демократизацию. Это также увеличивает долю богатства элит, инвестируемую в землю, — еще один фактор, который, как мы полагаем, делает демократию более угрожающей для элит. Согласно этой же аргументации, глобализация в этом случае, напротив, будет препятствовать демократизации (пока мы остаемся в рамках зависимо-

сти в виде перевернутой U , когда неравенство не способствует демократизации, как это предполагалось ранее).

В-третьих, рост международной торговли также означает, что подрыв экономической активности может оказаться более дорогостоящим для многих менее развитых наций, которые оказались интегрированы в мировую экономику, и поэтому репрессии могут обойтись элитам на много дороже, что опять же благоприятствует демократии.

И наконец, увеличившаяся политическая интеграция и окончание холодной войны (если только не брать в расчет войну против терроризма) могут означать, что страны, подвергающие своих граждан репрессиям, возможно, ожидает более сильная реакция и санкции со стороны демократического мира. Это действительно повышает цену репрессий, тем самым способствуя демократии. Это может быть особенно важно, потому что некоторые недемократические режимы в эпоху холодной войны, такие как разрушительная диктатура Мобуту в Заире, сохранялись в силу явной или неявной поддержки международного сообщества.

6.7.2. Консолидация

Так же как глобализация может стимулировать демократизацию, она может помогать и демократической консолидации. Действительно, все перечисленные механизмы, которые увязывают глобализацию с демократизацией, также предполагают, что перевороты будут менее вероятны. Это так либо потому, что перевороты становятся более дорогостоящими в интегрированном мире, либо потому, что глобализация означает, что демократия меньше угрожает элитам.

7. ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ И ПРИРОДА КОНФЛИКТА

Большая часть уже рассмотренных сравнительных статических результатов не зависит от идентичности элиты; они применимы даже в обществах, где политический конфликт проходит не между классами. В Южной Африке важнее может быть раса, хотя раса и социально-экономический класс в большой степени совпадают. В Руанде может быть более убедительным выделять группы, формирующиеся по этническим линиям: хуту или тутси. На Маврикии политический конфликт имеет место между людьми восточно-индийского происхождения и гетерогенной коалицией всех остальных, одни из которых богаты (белые плантаторы, выращивающие сахарный тростник, и китайские деловые элиты), а другие очень бедны (в основном потомки рабов-африканцев). В последнем случае нет простого совпадения между этничностью (или расой) и классом [Bowman, 1991].

Пока принимается посылка о том, что интересы индивидов отчасти касаются экономических результатов — основы нашего анализа остаются неизменными. Рассмотрим наши идеи относительно политических институтов. Здесь мы продемонстрировали: если политические институты таковы, что ограничивают те политические меры, которые могут приниматься при демократии, то они имеют тенденцию стимулировать демократическую консолидацию. Это положение применимо даже на Маврикии. Если институты ограничивают демократии, то они ограничивают то, что восточноиндийское большинство может сделать по отношению к креольскому меньшинству. Поэтому они уменьшают побуждения к установлению диктатуры креолов, подавляющей демократию, а когда демократия создана, делают перевороты менее привлекательными, т.е. точно совпадает с положениями нашей теоретической схемы.

Далее, рассмотрим идеи, которые мы развивали относительно связи между структурой богатства элиты и демократизацией, или переворотами. Эти идеи непосредственно применимы в данном случае. Даже в случае политики «восточноиндийского большинства против креолов», по мере того как экономика развивается и капитал становится важнее, чем земля, репрессии и перевороты становятся более дорогостоящими и демократия (про-восточноиндийская) — менее редистрибутивной. Как и утверждается в основах нашего анализа, это порождает тенденцию к созданию консолидированной демократии, даже на Маврикии. Что интересно, Маврикий является консолидированной демократией со времени получения независимости, и этот процесс консолидации имел место в условиях радикально уменьшающейся важности земли, быстрого развития промышленности и роста важности человеческого капитала.

Природа политических идентичностей, несомненно, может влиять на формы коллективного выбора при демократии, что увязывает наш анализ с некоторыми важными традициями в политической науке. Например, сопоставим общество, где политические идентичности и разделения возникают на классовой основе, с тем, где есть много взаимопересекающихся расколов на основе расы, этничности, религии или регионов. В плюралистской модели демократии общество действительно разделяется на множество различных групп. Стандартным утверждением относительно основанного на плюрализме общества является то, что оно порождает меньше перераспределения доходов и менее масштабное «государство всеобщего благосостояния», потому что множество различных расколов предотвращают возникновение широкой коалиции в пользу перераспределения. Вследствие этого многие плюралистические общества, к примеру, не имеют социалистических партий [Lipset, Marks, 2000]. Если это так, то наша теория предполагает, что такие общества с большей вероятностью получат консолидированную демократию, по-

скольку элитам будет мало чего опасаться от правления большинства. Это помогает объяснить длительность и стабильность демократии в Соединенных Штатах, часто считающихся идеальным примером плюралистического общества.

8. ДЕМОКРАТИЯ В ГРАФИЧЕСКИХ ИЗОБРАЖЕНИЯХ

Рассмотренное выше демонстрирует различные эмпирические следствия из нашей теории для обстоятельств, при которых общество становится и остается демократией. Чтобы зафиксировать эти идеи, полезно использовать наглядные иллюстрации вариантов возникновения различных режимов. Для представления нашей сравнительной статике в виде данных, мы сделаем это в контексте, когда элиты богаты, а граждане бедны. Вспомним четыре пути политического развития, обрисованные в главе I. Первый, британский, — путь полностью консолидированной демократии. Второй, аргентинский, — путь неконсолидированной демократии. Третий, путь Сингапура, — устойчивая недемократия, в которой политический статус-кво возможно поддерживать без серьезных репрессий. Четвертый, путь Южной Африки, — устойчивая недемократия с репрессиями. Такая сравнительная статика нашей теории позволяет изобразить эти различные результаты на рисунке.

В сущности, столь различные политические результаты имеют место потому, что эти общества фундаментально различаются по лежащим в их основе экономическим структурам, и именно это задает название нашей книги. Вдобавок к этому мы также подчеркиваем различия в политических институтах, до некоторой степени предопределенные исторически, до некоторой — сознательно выбранные с учетом природы режима. Чтобы рисунки были простыми, мы принимаем в качестве неизменного условия, что революция никогда не происходит при равновесии, и абстрагируемся от использования уступок (например, считая, что они всегда недостаточно убедительны, чтобы остановить восстание). Так что, если есть угроза революции, недемократический режим должен выбирать между репрессиями или допущением демократии.

Рассмотрим рис. II.1, на котором представлены предсказания нашей теории демократизации. На горизонтальной оси, мы помещаем неравенство, возрастающее слева направо. Начало оси представляет собой совершенно равное общество. На вертикальной оси мы помещаем исторически сложившиеся цены репрессий, которые экзогенны, как, например, степень, в которой репрессии разрушают активы общества. Получившийся квадрат мы делим на части (регионы), представляющие то, как разные структуры ведут к различным путям политического развития. Когда неравенство на достаточно низком уровне, издержки ре-

прессий или устройства заговоров irrelevantны, поскольку бедные в общем удовлетворены политическим статус-кво и не раскачивают лодку. Это соответствует региону А, в котором недемократию не оспаривают, и где мы помещаем Сингапур. В регионе В уровень неравенства выше, и возникает угроза революции. Однако издержки репрессий достаточно высоки, так что создается демократия. В этот регион мы помещаем Великобританию, и Аргентину. И наконец, в регионе С неравенство настолько высоко, что недемократии угрожает революция, но издержки репрессий достаточно низки, так что демократии можно избежать. Это имело место в Южной Африке до 1994 г. Издержки репрессий в Южной Африке могли быть ниже, потому что лишенными права голоса группами были чернокожие и цветные, а исключение их и репрессии оправдывались откровенно расистской философией.

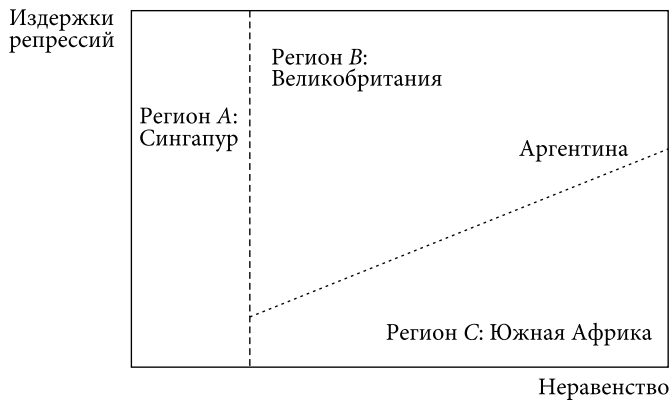

РИС. II.1. Демократизация

Для изучения консолидации демократии обратимся к рис. II.2. На нем только два региона, разделенных направленной вверх кривой. Когда цена переворота равна нулю, богатые всегда готовы его предпринять. Однако по мере возрастания издержек переворота, неравенство должно быть достаточно высоким (т.е. демократия должна быть достаточно дорогостоящей для богатых), чтобы организация переворота того стоила. На рис. II.3 только два региона. Мы поместили Великобританию в регион А. Будучи созданной, демократия консолидируется, если она не будет слишком редистрибутивной и если перевороты достаточно дороги. Однако, когда неравенство очень высоко, цена переворота может быть достаточно низкой, что делает его привлекательной возможностью. Так обстоят дела в регионе В, где демократия неконсолидирована; сюда мы поместили Аргентину. Сингапур, конечно, вообще не представлен на этом рисунке, потому что ему еще только предстоит переход к демократии.

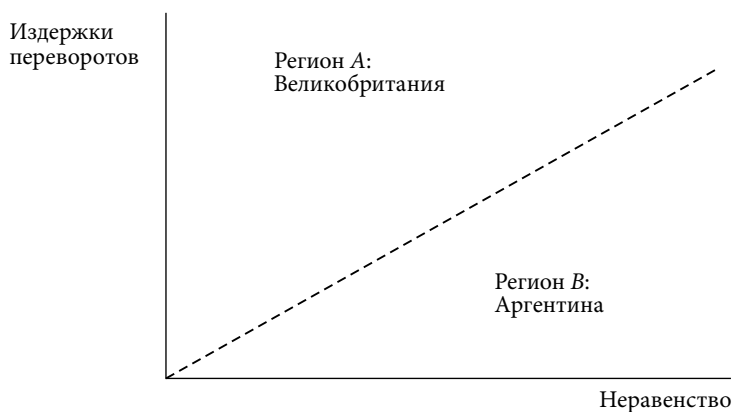

РИС. П.2. Консолидация демократии

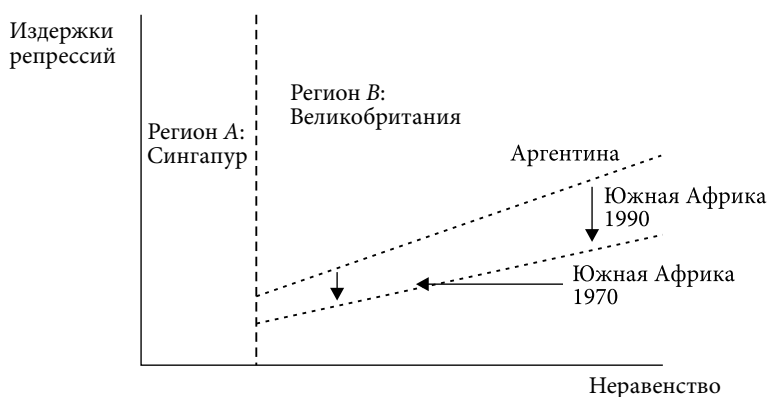

РИС. П.3. Демократизация в Южной Африке

Эти простые рисунки позволяют также проследить пути политического развития различных стран. К примеру, посмотрим на историю и будущее демократии в Южной Африке (рис. П.3) Почему Южная Африка перешла к демократическому режиму так запоздало? Стрелки на рис. П.3 отражают часть этой истории. С середины 1970-х годов неравенство в Южной Африке уменьшалось, делая демократию менее угрожающей для белой элиты. В то же самое время индустриальный сектор рос за счет сельскохозяйственного, и физический и человеческий капитал становились более важными. На нашем рисунке это означает, что при некотором уровне неравенства элиты менее готовы прибегать к репрессиям. Это сдвигает границу между регионами С и В вниз. Перемены в глобальном окружении, особенно глобализация, также сдвигают эту границу вниз, из чего следует, что при фиксированных уровнях неравенства цена репрессий должна быть ниже, чтобы оправдать сохранение диктатуры.

Таким образом, в некоторое время между 1970 и 1994 г. Южная Африка перешла из региона С в регион В, и была создана демократия.

Что обещает будущее для Южной Африки? Чтобы увидеть это, надо обратиться к рис. II.4, где ставится вопрос о том, консолидируется ли демократия после апартеида. Поскольку неравенство по-прежнему очень высоко, можно предположить, что Южная Африка окажется в регионе В и, следовательно, будет неконсолидированной демократией. Тем не менее развитие южноафриканской экономики, увеличивающееся значение физического и человеческого капитала и возрастание глобализации ведут к сдвигу границ между регионами А и В вниз. Теперь для данных издержек переворота неравенство должно быть выше, чтобы оправдать антидемократический путч. Более того, как это было рассмотрено в главе I, структура политических институтов после апартеида была специально разработана так, чтобы защищать интересы белых — фактор, который опять же сдвигает эту линию вниз. Поэтому, хотя невозможно точно знать будущее (свидетельством тому эволюция демократии в Зимбабве после 1980 г.), можно надеяться, что Южная Африка перейдет не в регион В, но в А.

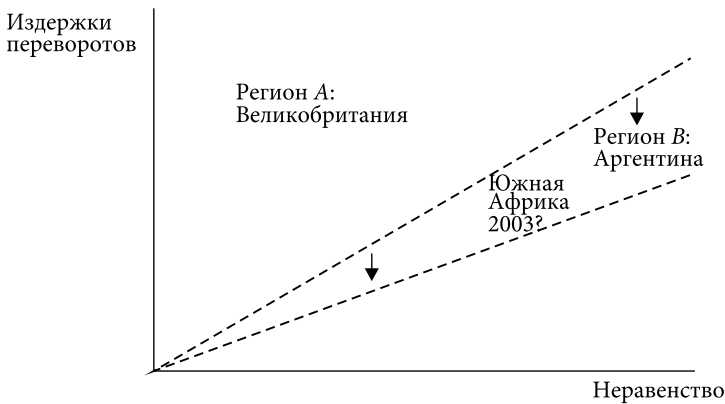

РИС. II.4. Демократическая консолидация в Южной Африке?

Относительно Сингапура делать предсказания легче. Рисунки II.1 и II.2 позволяют предположить, что если Сингапур станет демократией, то эта страна с очень большой вероятностью консолидируется.

9. ОБЗОР КНИГИ

Далее в нашей книге развивается аргументация, обрисованная в этой главе. В конце первой части продолжается ее общее описание. В главе III мы делаем обзор эмпирических данных о сравнительном характере де-

мократии в различных странах. Мы показываем, что более богатые страны с большей вероятностью будут демократическими, более образованные страны с большей вероятностью будут демократическими, и страны с большим неравенством в целом менее демократические. Мы подчеркиваем основные корреляции данных и не делаем сильных утверждений о каузальных зависимостях. Здесь же рассматривается обширная социологическая и политологическая литература о создании и консолидации демократии, и мы объясняем, какой вклад в изучение этой темы делает наше исследование.

Во второй части дается обзор существующих моделей коллективного принятия решений в демократиях и недемократиях. В главе IV мы сосредоточиваем внимание на демократиях и даем простой анализ основных проблем в исследовании коллективного выбора, электоральной политики и конкуренции, что будет полезным в дальнейших разделах нашей книги. Мы также вводим некоторые основные модели конфликта по поводу распределения между двумя обозначенными ранее группами, уделяя особое внимание связи между неравенством и перераспределением, следствиям различных политических идентичностей и факторам, определяющим распределение власти при демократии. В главе V мы также предлагаем в сокращенной форме модель распределения власти при демократии. Книга заканчивается приложением, где разрабатывается ряд моделей, обеспечивающих микроэкономические основания для этой сокращенной формы. В главе V мы анализируем недемократию, уделяя особое внимание проблеме коллективного действия и вопросу об обязательствах.

В третьей части дается наш подход к демократизации. В главе VI мы вводим нашу базовую модель демократизации. Здесь формализуются многие из проблем, уже упомянутых в данной вводной главе, что позволяет осмыслить роли политической власти и роли политических институтов в распределении будущей политической власти. В главе показывается, как демократизация создает убедительную приверженность будущему перераспределению, передавая политическую власть большинству в обществе, так же как демократизация может быть реакцией элиты перед лицом правдоподобной угрозы революции большинства. В этой главе устанавливается возможность зависимости в виде перевернутой *U* между межгрупповым неравенством и демократией. В главе VII развивается наша базовая модель антидемократических переворотов и изучаются обстоятельства, при которых демократия, будучи однажды созданной, консолидируется.

В четвертой части рассматривается несколько важных расширений этой базовой структуры и некоторые ее применения. В главе VIII анализируется как наличие большого и богатого среднего класса влияет на

II. НАША АРГУМЕНТАЦИЯ

баланс сил в ходе конфликта по поводу распределения между элитами и гражданами таким образом, что может помочь создать и консолидировать демократию. В главе IX вводятся такие переменные, как обеспеченность факторами производства и рынки, чтобы показать внутренние источники распределения доходов, и обсуждается влияние структуры экономики на создание и консолидацию демократии. В этой главе мы также делаем предположения о механизмах, которые могут объяснять политическое развитие, т.е. отвечать на вопрос о том, почему страны переходят (если переходят) к демократии по мере того, как становятся богаче, и о возможных причинах такого соотношения между доходом и демократией. Глава X представляет нашу расширенную модель, учитывающую международную торговлю и мобильность факторов производства между странами, и исследует то, как глобализация меняет и дополняет полученные нами к моменту написания главы результаты.

Пятая часть посвящена рассмотрению будущего демократии и завершает книгу.

Научное издание
Серия «Политическая теория»

ДАРОН АСЕМОГЛУ,
ДЖЕЙМС А. РОБИНСОН

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИСТОКИ ДИКТАТУРЫ И ДЕМОКРАТИИ

Второе издание

Главный редактор

ВАЛЕРИЙ АНАШВИЛИ

Заведующая книжной редакцией

ЕЛЕНА БЕРЕЖНОВА

Редактор

МАРИНА КОВАЛЕВА

Художник

ВАЛЕРИЙ КОРШУНОВ

Компьютерная верстка

НАТАЛЬЯ ПУЗАНОВА

Корректор

ВАЛЕРИЯ КАМЕНЕВА

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ «ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ»
101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20,
тел.: 8 (495) 772-95-90 доб. 15285

Подписано в печать 22.11.2017. Формат 70×100/16
Гарнитура Minion Pro. Усл. печ. л. 41,6. Уч.-изд. л. 33,5
Печать офсетная. Тираж 1000 экз.
Изд. № 2075. Заказ №

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская обл., г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
www.chpd.ru, e-mail: sales@chpd.ru,
тел.: 8 (499) 270-73-59